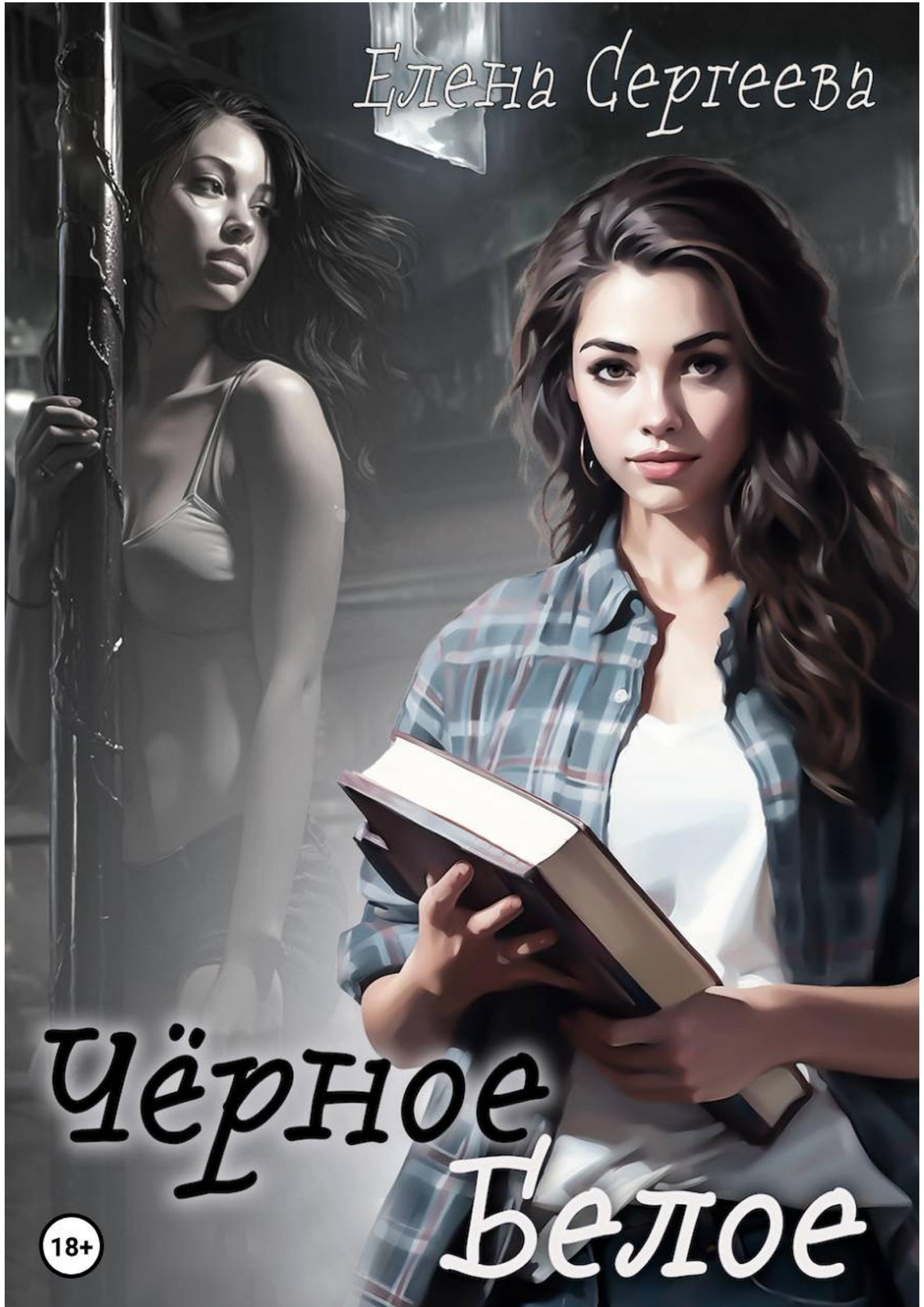

The book cover features a detailed illustration of two young women. In the foreground, a woman with long, wavy brown hair and a serene expression looks directly at the viewer. She is wearing a blue and white plaid shirt over a white top and is holding a thick, dark book. In the background, a second woman with long dark hair is shown in a more ethereal, semi-transparent style, leaning against a vertical metal pole and looking off to the side. The overall lighting is dramatic, with strong highlights and shadows, creating a moody atmosphere.

Елена Сергеева

Чёрное
Белое

18+

Елена Сергеева

Чёрное. Белое

«Автор»

2021

Сергеева Е.

Чёрное. Белое / Е. Сергеева — «Автор», 2021

Моя жизнь по вине обстоятельств раскололась на две половины: белую и чёрную... В одной я студентка-отличница, в другой танцовщица стриптиза, зарабатывающая деньги, необходимые, как воздух... В одной я отчаянно пытаюсь воскресить в сердце невинную первую любовь, в другой, помимо своей воли, сгораю от страсти к непонятному мужчине... Но я не могу вечно жить двумя кардинально разными жизнями!

© Сергеева Е., 2021

© Автор, 2021

Содержание

1 глава. Предложение.	6
2 глава. Кастинг.	11
3 глава. Марк.	18
4 глава. Деньги.	21
5 глава. Трудяга.	24
6 глава. Асаль.	27
7 глава. Первый рабочий день.	30
8 глава. Биохимия.	38
9 глава. Неожданность.	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Елена Сергеева

Чёрное. Белое

Не бывает черное черным.
Не бывает белое белым.
Ни в решении злом, очерствелом...
Ни в порыве безумном, влюбленном...

В мире множество разных оттенков,
Как в душе человеческой пятен...
И бывает превратной оценка,
Если вдруг экземпляр непонятен...

1 глава. Предложение.

Черное-белое. Плохое-хорошее. Я с детства привыкла разделять свою жизнь, свои поступки, окружающих людей в соответствии с этой градацией. Наверно, не прошло бесследно неоднократное чтение в нежном возрасте родителями известной книги Маяковского «Что такое хорошо и что такое плохо», а если серьезно, то моя мама – учитель русского языка и литературы, коренная петербурженка, и к вопросу воспитания единственной дочери подошла очень серьезно, и я всегда придерживалась четких понятий, что может себе позволить, а что нет интеллигентная девушка.

На глазах появляются слезы. Теперь это происходит всегда, когда я думаю о ней. И хоть моя мама далеко не самый легкий человек на свете, я люблю ее безоговорочно, просто потому что она моя мама и потому что она мой единственный живой родственник. А месяц назад к моей любви присоединилась стайка перепутанных чувств, где боль, сострадание и тревога были на первых ролях. Я узнала, что она серьезно заболела и я могу ее потерять...

– Банк рассмотрел вашу заявку, но в настоящее время не может дать вам положительный ответ, – отрывает меня от размышлений приятный голос миловидной девушки с приклеенной улыбкой на губах.

Смысл ее слов проникает в сознание и постепенно инфицирует кровь попавшим в нее ядом отчаянья, с каждой секундой приводя меня в ужас: мне отказали. Я словно лечу в пропасть и понимаю, что скоро разобьюсь. Эти деньги нужны мне как воздух, которого внезапно стало резко не хватать. Вернее, не мне, а маме. А сейчас оборвалась последняя надежда. Вонзаю ногти в ладони, чтобы по-детски не разреветься, одновременно хлопая ресницами, отчаянно прогоняя набежавшую влагу из глаз, и неворочающимися губами бормочу:

– Почему?

– Банк не дает пояснений, – сухо заявляет она и, отворачиваясь, начинает копошиться в бумагах, ясно давая понять, что я больше не вправе воровать ее драгоценное внимание.

В другое время, при других обстоятельствах я бы тотчас ушла, гордо вскинув голову, но сейчас...

– Я не понимаю... Я попросила немного... И в залог готова предоставить квартиру...

– Девушка! – раздраженно произносит та, но, встретив мой тонуший в океане слез взгляд, неожиданно смягчается и отвечает:

– Поймите, вы студентка, не работаете...

– Я ищу работу... и квартира... – забывая обо всех правилах приличия, перебиваю я и тут же краснею, вспоминая маму. Она словно сидит в кресле напротив и, поджав губы, недовольно качает головой, давая понять, что я веду себя невоспитанно.

– Поймите, банку не нужны суды!

В этот момент приходит осознание того, что все эти разговоры уже бесполезны. Какой-то равнодушный человек уже принял решение, что я неплатежеспособна и мне не стоит давать деньги в займы, несмотря на то что я указала, что они нужны мне на лечение матери, и готова предоставить залог, многократно превышающий запрашиваемую сумму.

Заставляю себя оторвать свое отяжелевшее тело со стула и, поднявшись, иду к выходу. В груди разрывается на ошметки мое измученное сердце так, что хочется не просто плакать – выть. Скользящим взглядом смотрю на людей вокруг. Им, естественно, нет никакого дела до моих проблем, и неожиданно для себя самой горько констатирую, что все мы припеваючи живем, пока однажды в нашу жизнь не врывается безжалостная, страшная болезнь – рак. От него не застрахован никто: ни самый большой начальник, ни обычный клерк. Он может поражать как стариков, так и детей. Это монстр, наступающий нас в самый неожиданный момент и делающий нас беспомощными...

Эмоции, сжав меня до дикой боли, все больше застилают глаза пеленой, и я в полуслепом состоянии пытаюсь найти выход на улицу, чтобы там, не стесняясь, выпустить их наружу. Только дойти до выхода без происшествий не получается – я налетаю на кого-то яркого и явно пахнущего приятным селекционным парфюмом и, не ожидая столкновения, не удерживаюсь на шпильках, и больно приземляюсь на пятую точку.

– Девушка, осторожнее! – слышу приятный, но недовольный женский голос и через секунду более мягкое продолжение с нотками явного удивления: – Ася, ты?!

Сильно моргаю, чтобы, не касаясь руками, не размазывая тушь, окончательно освободить глаза от слез и разглядеть ту, которая назвала меня по имени. Явно дорогие красные туфли с красной подошвой, стройные длинные ноги, обтянутые нейлоном, яркое платье выше колена, сексуально облегающее потрясающую фигуру, темные практически глянцевые прямые волосы, ярко-красный рот, изогнувшийся в улыбке и приоткрывающий ровные белые зубы. Поднимаю глаза выше и, встретив веселые голубые глаза, замираю, выдохнув то ли вопрос, то ли утверждение:

– Надя?!

Она протягивает мне свою руку и, смеясь, произносит:

– Так изменилась?!

Я киваю, встаю и честно выдыхаю:

– Да.

Надя Андреева – моя бывшая одноклассница и приятельница в моей памяти была симпатичной, но обыкновенной девушкой и в подметки не годилась той, что стоит сейчас напротив и излучает кричащее благополучие.

– Что случилось? – спрашивает она, смотря на мое заплаканное лицо.

От напоминания о моем фиаско непроизвольно начинают подрагивать губы, и я отвечаю дребезжащим голосом:

– В кредите отказали.

Ее взгляд становится изучающим.

– Зачем тебе деньги?

Сглатываю разрастающийся ком в горле, мешающий говорить, и выталкиваю из себя:

– Маме на лечение...

Слезы предательски опять начинают скользить по щекам, как я ни стараюсь их сдержать, поражая меня тому, насколько я сегодня эмоциональна. Я вообще редко плачу! Да, я проплакала несколько часов, когда узнала о болезни мамы, но потом, сжав зубы, я около месяца держала себя в руках, фонтанировала надеждами и позитивом, чтобы поднять ее дух и не раскиснуть самой, а сегодня, похоже, выдохлась, или отказ банка на меня так подействовал...

– Пойдем со мной, – произносит девушка и, взяв меня за руку, разворачивается, и идет к двери вместо того, чтобы продолжить свой путь в операционный зал банка.

С прикосновением ее теплых пальцев в меня проникает робкая практически иллюзорная надежда на волшебное разрешение моей тупиковой ситуации, и я послушно семеню за ней.

Надя приводит меня в кафе, находящееся в том же здании, и, любезно улыбнувшись расшаркивающемуся перед ней молоденькому парню-официанту, изящно садится на диван, и эффектно кладет ногу на ногу. Я вижу, как парень прослеживает это движение, но потом, встретив ее взгляд, смущается и протягивает меню. Она, не открывая его, произносит «капучино» и, переведя взгляд на меня, спрашивает:

– Ты что будешь?

Я, мельком взглянув на кусающиеся цены на напитки, откладываю меню и бормочу:

– Я воздержусь.

– Два капучино, – говорит девушка и, поймав мой протестующий взгляд, тихо добавляет уже мне:

– Не вопи. Я угощаю.

Чувствую себя ужасно противно, но поспешно проглатываю свою гордость и выжидающе смотрю на бывшую одноклассницу. Она, понимая, что разговоры о погоде будут лишними, сразу приступает к сути:

– Сколько ты хотела получить в банке?

– Шестьсот тысяч.

Надя задумывается, а потом признается:

– Столько я тебе не могу дать.

Я резко лечу с небес на землю, но ее следующая фраза, словно раскрывшийся парашют, останавливает меня где-то на полпути:

– Я несла положить на счет двести тысяч. Могу их одолжить тебе, если объяснишь, как и когда вернешь?!

В висках начинает стучать «двести тысяч! двести тысяч!», и я, понимая, что от того, насколько я буду убедительной, зависит скорая операция мамы, поспешно объясняю:

– Я как раз сейчас ищу работу.

– Ты учишься?

– Да, но...

Она хмурит свои идеальные, геометрически выверенные брови и беспристрастно сообщает:

– Ася, я очень хочу тебе помочь, но я так же хочу быть уверенной, что деньги ты вернешь обратно. Мне не сыплются они с неба!

– Я верну! – тут же горячо восклицаю я и гляжу в ее глаза прямо и честно, но, похоже, она не верит.

– С таким раскладом я их долго не получу. Если вообще ты сможешь когда-нибудь сделать это.

Заметив, что я собираюсь заверить ее новыми клятвами в своей честности, девушка, внимательно изучая ту часть меня, что видна из-за стола, спрашивает, опережая меня:

– На что ты готова, чтобы получить деньги?

Все также, не разрывая наш зрительный контакт, я произношу твердо и уверенно:

– На все!

Она еще пару секунд раздумывает и ошарашивает меня своим признанием:

– Я работаю в стриптиз-клубе.

– Ты стриптизерша?! – едва выговариваю я не в силах скрыть своего шока.

Надя морщит свой хорошенький напудренный носик и восклицает:

– Я актриса стриптиза, и не путай меня с представительницами другой, более древней, профессии.

В это время подходит официант и ставит перед нами заказанные напитки, давая моей голове время воспринять полученную информацию. Отвечая на вопрос, что готова на все, я не заходила в своих мыслях так далеко...

Пока я, прикасаясь губами к краю чашки, делаю глоток молочной пенки, слышу продолжение:

– Я знаю, как обычно реагируют люди, узнав, чем я занимаюсь, но все равно считаю, что в моем занятии нет ничего плохого.

Я все еще молчу. Я не знаю, как реагировать на признание девушки.

– Более того, это прибыльнее и интереснее стандартных офисных должностей.

Она отпивает свой воздушный напиток и произносит важную для меня информацию:

– Завтра у нас будет кастинг. Приходи. Если тебя возьмут, я дам тебе деньги в долг.

Мне сложно вот так сразу проанализировать обрушившееся на меня предложение, поскольку оно не влезает в мои рамки допустимого, так как не слишком нравственно, но это не мешает задать мне практический вопрос:

– И сколько можно заработать... стриптизом?

– У нас есть «гарантия».

Надя замечает растерянность в моих глазах и объясняет:

– Полторы тысячи за ночь – это за выход, если я работаю не меньше четырех дней в неделю и выхожу в зал в положенное время полностью готовой.

Я киваю и слушаю продолжение:

– Но это не основной заработок. Больше всего я получаю чаевыми и исполнением приватных танцев, где только от тебя зависит, сколько ты заработаешь!

– И сколько зарабатываешь ты?

– Двести – двести пятьдесят в месяц, – снова ошарашивает она меня и поспешно добавляет: – Но ты губу не раскатывай. Я два года работаю, и контингент у меня есть свой. Но тысяч восемьдесят первое время сможешь заработать, если будешь следовать моим рекомендациям.

Я смотрю на нее огромными глазами. Я даже не догадывалась, что профессия, не требующая ни высшего образования, ни умственных способностей, ни эрудиции, может приносить такой доход. Словно прочитав мои мысли, девушка заявляет:

– Легких денег в стриптизе нет. Дорогие подарки клиентов в виде машин и квартир остались в девяностых. Что касается заработка за ночь, то ты можешь получить половину зарплаты твоей мамы, если многие клиенты закажут твой приватный танец, или получить только гарантию. И есть еще штрафы!

Я снова киваю, подтверждая, что поняла ее, а Надя бросает взгляд на отсутствие маникюра на моих пальцах. Заливаюсь краской, убираю руки с чашки на колени и слушаю дальше.

– Сама понимаешь, что выглядеть надо идеально: маникюр, педикюр, никаких волос на теле, макияж, прическа. Это расходы!

Я в который раз киваю, как китайский болванчик, и хоть я еще не договорилась сама с собой, что готова, забыв о всех нравственных составляющих своего воспитания, пойти завтра на кастинг, впитываю в себя новую информацию, как губка.

– Еще понадобятся костюмы для выступлений и стрипы...

Увидев, как я хлопаю глазами, услышав незнакомое слово, она объясняет:

– Сценические туфли.

Девушка делает новый глоток и резюмирует:

– Я не буду грузить тебя сейчас всей необходимой информацией. Возьмут – вот тогда все объясню подробно.

Выдавив «угу», отдираю приклеившийся к небу язык и задаю волнующий вопрос:

– А что надо делать на кастинге?

– Понравиться внешне, – произносит Надя, откинувшись в кресле с усмешкой, возможно вспоминая свой кастинг. – Очень придирчиво смотрят на грудь. Если с ней плохо, то не возьмут. Причем я не про размер говорю. Грудь может быть как большая, так и маленькая. Главное, хорошей формы.

Девушка смотрит на меня, словно под блузкой может оценить, подходящая ли она у меня, и заканчивает свое повествование:

– Раздеться под музыку и поговорить. А то вроде неплохо танцуют и выглядят, но открывают рот – и хочется убежать.

Видя, как я напряглась, Надя с улыбкой пытается меня успокоить:

– Думаю: у тебя ни с чем проблем не возникнет. Я просто так никого не стану рекомендовать.

В голове все перемешивается: радость оттого, что я, возможно, получу часть денег и высокооплачиваемую работу, чтобы рассчитаться с долгом; воскрешая надежда, что я смогу отправить маму на операцию и последующие химиотерапии и она поправится; неприятие всем своим существом роли танцовщицы стриптиза; обреченность от осознания, что я скорее пожертвую своими принципами, чем жизнью любимого человека, и обычный человеческий страх перед неизвестностью...

Добравшись до дома и войдя в квартиру, ощущаю, что во мне совсем померкли радужные составляющие Надиного предложения, и сомнения с новой силой замаячили на горизонте. Перспектива стать стриптизершей вызывает в моем существе естественное отторжение.

Тяжело вздохнув, я скидываю туфли и, тихо пройдя по коридору, заглядываю в комнату матери. Она лежит на кровати, но, услышав мои шаги, приподнимается и медленно садится. Мама пытается растянуть губами улыбку, но выходит это так неестественно, впрочем, как и моя ответная улыбка.

– Голодная?

Я мотаю головой.

– Ася, ты совсем не ешь.

– Перекусила в институте с Оксаной, – не краснея, вру я просто потому, что не хочу ее огорчать, что у меня совсем нет аппетита. От этой безобидной лжи чувствую новый укол совести. Я все больше изменяю себе.

Взгляд падает на тумбочку возле кровати, и я замечаю, как стремительно уменьшилось с утра количество обезболивающих таблеток. Эта картинка одним махом убивает все сомнения, что бултыхались в моем сознании, и я окончательно убеждаюсь, что пойду на завтрашний кастинг и еще куда угодно, лишь бы срочно заработать деньги и попытаться спасти жизнь матери.

– Ложись, – бормочу я ей, подходя ближе.

Мама послушно выполняет указание, а я, поддаваясь внезапному порыву, ложусь к ней под бок и ощущаю, как она прижимает меня к себе, как в далеком детстве. Вдыхая ее запах, возвращающий меня в счастливое беззаботное время, внезапно думаю, что, наверно, всегда у идеальных родителей рождаются неидеальные дети вроде меня, возможно, природа устает, создавая совершенство, и отдыхает. Не все могут быть такими... сильными, правильными. Я знаю, что моя мама никогда бы не одобрила это мое сегодняшнее решение. Она бы провалилась сквозь землю, сгорела бы заживо, но не согласилась бы на то, на что я мысленно дала себе согласие.

2 глава. Кастинг.

Надя встречает меня у входа в стриптиз-клуб и уверенно ведет за собой. Я машинально следую за ней, но все еще не могу догнать происходящее. Неужели это правда действительность?! Я интеллигентная, принципиальная, разумная, домашняя девушка, взволнованная до трясущихся рук, с учащенным пульсом и бешеными глазами семеню за бывшей одноклассницей, чтобы попробовать себя в стриптизе... Точно что-то из ряда вон выходящее! Может быть, это просто сон?! Щипаю себя за руку – больно. Это точно мне не снится!

Спутница заводит меня в какую-то комнату и сует в руки пакет.

– Надень это.

Я киваю, даже не заглянув туда, и растерянно смотрю на нее. Она же оставит меня одну или хотя бы отвернется?!

– Переодевайся! – с нажимом произносит Надя и судя по взлетевшим бровям недоумевает о моем замешательстве. Да, действительно глупо! Девушка, собирающаяся раздеваться в зале, полном людей, преимущественно мужского пола, смущается взявшей ее под крыло подруги.

Торопливо скидываю свитер, джинсы и, оставшись в нижнем белье, вытаскиваю содержимое пакета. Бюстгальтер, усыпанный пайетками, ниточки стринг телесного цвета, безумно коротенькая блестящая юбочка и шифоновая кофточка, завязывающаяся на животе. Больше всего места в этих обрезках ткани занимают туфли на высоченной подошве и с умопомрачительно длинными каблуками, которые называются как-то своеобразно.

Под прицелом Надиного взгляда я снимаю с себя остатки своей одежды, одеваю то, что она мне дала, и жду дальнейших указаний.

– С грудью и фигурой у тебя все отлично. В общении ты адекватная, так что если по-прежнему хорошо двигаешься и не станешь смущаться, то проблем не будет, – заключает она и, отойдя к какому-то шкафчику, вытаскивает бутылку коньяка и стопку. Наполнив ее доверху, девушка протягивает мне.

Я вылупляю на нее глаза и мотаю головой.

– Тебе нужны деньги? – повторяет она вчерашний вопрос.

Я киваю.

– Тогда послушай меня и выпей.

Я беру стопку и запрокидываю ее в себя так, как, видела, делают это в фильмах. В ту же секунду у меня перехватывает дыхание, и пожар, опалив горло, спускается вниз, разливая по внутренностям приятное тепло. Я усиленно моргаю, пытаюсь удержать слезы, набежавшие на глаза, и не испортить макияж, на который убила не менее получаса.

Надя еще раз оценивающе разглядывает меня и командует:

– Пойдем.

Едва я делаю несколько шагов, как начинаю, подобно любому предмету, потерявшему опору, притягиваться к полу и только благодаря подхватившей меня девушке остаюсь стоять на ногах.

– Стрипы не предназначены для ходьбы, в них реально двигаться только у пилон. Тебе надо будет купить Pleaser единички, модель kiss, очень устойчивые и удобные.

Мы подходим к выходу на сцену, к нескольким пытающимся поймать удачу за хвост претенденткам вроде меня, и девушки мгновенно, оценивающе просканировав мое тело, отворачиваются. Судя по мрачным лицам и молчанию, они видят во мне очередную конкурентку.

Оглушающая музыка стихает, и доносятся голоса. Спустя несколько минут мимо нас проходит раскрасневшаяся девушка со слезами на глазах и исчезает в коридоре.

Я поднимаю глаза на Надю. Она равнодушно пожимает плечами.

– Ты же не раз участвовала в танцевальных конкурсах и должна понимать – побеждает не тот, кто лучший, а тот, кто умеет лучше продемонстрировать себя на паркете! Тут аналогично!

Вздыхаю и отворачиваюсь. Мама отдала меня на балльные танцы, чтобы было куда выходить энергии ее неугомонной дочери, весь день готовой носиться с мальчишками и всегда предпочитающей брюки платьям. Энергия получила свой выход, я научилась пластично двигаться, полюбила красивые платья и стала пользоваться внешними данными, что дала мне природа, но спокойной, воспитанной и уравновешенной девушкой оставалась только снаружи и только для радости мамы. Если говорить языком танца, европейской программе я всегда предпочитала латинскую.

От моих мыслей меня отрывает властный женский голос, вызывающий на сцену какую-то девушку, и я смотрю в спину отправляющейся на сцену новой претендентке.

Сердце в груди отбивает четкую от осознания того, что скоро наступит моя очередь.

«Что я делаю?!» – снова поднимает восстание внутреннее «я», но я заталкиваю его обратно воспоминаниями о маме, о ее натянутой улыбке на усталом лице, потухших глазах, об исчезающих обезболивающих на ее тумбочке. Она лучше меня осознает, что, когда придет ее очередь на операцию, она уже не будет для нее актуальна. Похоже, мама смирилась с преследующей ее старухой с косой, но я – нет! Она мой единственный родной человек! Моя связь с детством. Отец бросил нас, когда я была еще маленькой, и я даже не помню его. Нет! Я не готова так рано остаться одной!

Закрываю глаза, чтобы абстрагироваться и успокоиться, как делала всегда перед выступлениями на соревнованиях. Не получается! Сейчас как никогда хочется спрятаться от проблем и побыть маленькой девочкой, а мне приходится быть взрослой и самой решать непосильные проблемы. Хотя разве мы можем знать заранее, что по силам нам, а что нет?! Все всегда надо попробовать!

– Анисимова!

Чувствую, как в бок меня толкает Надя.

– Ася, твоя очередь.

Слышу раздраженный женский голос, повторяющий мою фамилию, по-прежнему висая взглядом на подруге. Вот и время принятия решения! Идти на сцену, опустив гордость и принципы ниже плинтуса, или трусливо сбежать. Понимаю, что, если бы обстоятельства не приперли меня к стенке и не довели до отчаянья, меня бы здесь не было, я бы уже убежала, но поскольку сценарий событий уже написан, и он плачевен для меня, мне ничего другого не остается.

«Многие танцуют стриптиз и не чувствуют угрызания совести!» – говорит во мне кто-то другой, не я. Я, не разрешающая поцеловать себя парням раньше третьего свидания и имеющая всего одного сексуального партнера в свои двадцать один, такого не могла сказать!

Все! Хватит! Надо! Отворачиваюсь, скидываю голову и аккуратно, чтобы не упасть, иду на сцену.

Дойдя до второго пилона, останавливаюсь и встречаюсь с недовольным взглядом женщины неопределенных лет с большими, плотно обтянутыми тканью формами и ярким макияжем на неестественном лице, и, не отрываясь, смотрю на нее. Пока я шла на сцену, с меня слетели все обрывки волнения, и остались только непробиваемая решимость и упорство добиться поставленной цели.

– Вы готовы?! – все также раздраженно спрашивает она.

Не знаю: то ли я так ей не понравилась, то ли это была ее привычная форма общения с претендентками, но я постаралась не заикливаться на этом, тем более рядом с ней находился приятный мужчина, который поддерживающе улыбался мне, и я кивнула.

Вчерашние сомнения, усталость и апатия не позволили мне продумать линию танца, и я решаю просто полагаться на мое врожденное чувство ритма и импровизировать.

Раздается музыка, я закрываю глаза, пропуская ее под кожу, пропитываясь ей, как земля влагой, и начинаю двигаться, вспоминая некоторые чувственные движения румбы. Сексуально двигая бедрами, трясь о пилон, как об партнера, я отдаюсь танцу, как, наверно, отдаются любовнику – без остатка и не понимаю: в чем причина, когда в середине композиции музыка обрывается.

– Ты раздеваться собираешься?

Краска опалает мое лицо, ее раздраженный вопрос, словно пощечина, бьет по моему самолюбию, и на какое-то время я теряюсь, несмотря на то что я знаю, что танцевала хорошо. Не понимаю, что я сделала этой мегере?! Почему она так негативно ко мне относится?!

– Раздевайся! – рывкает она снова, и я влетаю в действительность из облаков своих мыслей. Хочется поддаться бараньему упрямству и вместо этого сделать то, что не делала никогда – невоспитанно показать средний палец и, вскинув голову, уйти, но это слишком большая роскошь, когда ты зависишь...

Одеревеневшими пальцами я развязываю узел на животе и снимаю тонкую просвечивающуюся кофточку. Все также холодно смотря на стерву, оценивающую мое тело, завожу руки назад и отстегиваю крючки сверкающего бюстгальтера, и кидаю его на пол в прозрачную лужицу. От обнявшей меня прохлады по плечам и груди пробегает озноб, а я все также молча, но грациозно освобождаю себя от одежды.

– Спасибо. До свидания, – заключает она.

– Это означает нет?! – не двигаясь, спрашиваю я, поражаясь откуда-то взявшейся во мне смелости.

«Ася, это точно не ты?! Может, это говорит коньяк, путешествующий в твоей крови?!»

– Да. Вы нам не подходите.

Злость затмевает другие более важные чувства, и я, усмехаясь, с вызовом спрашиваю:

– У меня плохая фигура или я плохо двигаюсь?!

– У тебя отличная фигура и ты сексуально двигаешься, – раздается откуда-то мужской голос, и пока я глазами пытаюсь найти человека, похвалившего меня, слышу его требование: – Расскажи о себе.

Прежде чем ответить, я успеваю подумать: какой невероятный у него голос... Низкий, бархатный, обволакивающий, словно теплая кофта в прохладу, своим очарованием...

Существуют голоса, которые можно слушать бесконечно, в которые можно влюбиться, даже не видя человека. У мужчины, сделавшего мне только что комплимент, именно такой голос, и я, не видя его, только послушно поддаваясь тембру его звучания, пробирающего до мурашек, осознаю, что он запишется в моей подкорке и еще долго будет звучать во мне приятным воспоминанием о его поддержке.

– Я учусь на третьем курсе в университете... – наконец произношу я и замолкаю, увидев вышедшую на свет фигуру и направляющуюся к моим экзаменаторам.

У него широкие плечи, крепкая грудь, такая, что даже ткань блейзера не скрывает его мощи. Почему-то появляется желание прикоснуться к ней и проверить ее на ощупь: настолько ли она каменная, как видится моим глазам?! Заставляю себе опомниться, выгнать из головы странные мысли и поднять взгляд на лицо приближающегося человека. Поднимаю, замираю и сглатываю.

Мужчина, находящийся в нескольких метрах от меня, чертовски красив! Правильные черты лица, внимательный черный взгляд, темные слегка взъерошенные волосы. Нет, это просто непростительно, чтобы он был настолько хорош. Начиная от начищенных до блеска ботинок и дорогой одежды, заканчивая старательно высеченными чертами лица и спортивной фигу-

рой – все идеально! Да и держится красавчик так, что видно: этот человек знает себе цену и не нуждается в лишней похвале окружающих.

– Продолжай, – произносит он, и я бормочу:

– В детстве занималась балльными танцами.

Мужчина равняется со стоящими у края сцены людьми, наши глаза встречаются, и я упираюсь в пронзительный горящий, живой взгляд. Так, наверно, смотрит хищник на жертву, когда желает ее проглотить полностью. Не выдержав неравного поединка, трусливо отворачиваясь, обещаю себе, что, когда на мне будет одежда, я ни за что не спасую и первой не прерву подобный визуальный поединок.

В этот момент до меня долетает фраза, которую стерва, стоящая внизу, даже не пытается сказать тише:

– Она нам не подходит, Марк.

– Почему?

Замечаю, что он рассматривает мое тело скрупулезно и... оценивающе. Будто я кусок мяса, и надо решить: сгодится он для шашлыка или нет. Краснею. Мне становится неприятно, и все его очарование рассеивается, как дым...

– В ней безусловно есть музыкальность и техничность, но я думаю: пилон она видит впервые в жизни.

– Это не проблема! Что думаешь, Стас?

Мужчина рядом впервые заговаривает:

– Девушка очень красивая, пластика выше всяких похвал, пару номеров поставить несложно.

Марк поворачивается к женщине, своим видом показывая – я тоже так думаю.

Она примиряюще улыбается ему.

– Хорошо. Если вы оба так считаете.

– Да. Я хочу ее взять.

– Идите, – произносит женщина, и я разворачиваюсь и с облегчением ухожу.

– Ну что? – встречает меня Надя.

– Берут, – без эмоций отвечаю я.

– Ты не рада?

Пожимаю плечами, все еще прокручивая в голове момент моего спасения появившимся из темноты зала Марком и того противоречивого впечатления, что осталось у меня от него в душе.

– Ася!

– Что это за женщина? И почему она такая злая?!

– Маргарита. Мы втихаря зовем ее Мегеровна. Не обращай на нее внимания, – с улыбкой произносит девушка. – Стареющие женщины так остро воспринимают красоту и молодость!

Я позволяю себя увести, но, семеня рядом, почему-то продолжаю удерживать образ красивого мужчины, «спасшего» меня.

Оказавшись в той же комнате, я начинаю машинально переодеваться и неожиданно снова задаю вопрос:

– А кто такой Марк?!

Надя приподнимает брови и, пытая меня взглядом, заставляет сесть на стул напротив.

– Марк был на кастинге?

Я киваю и хочу спрятать глаза от распираемой любопытством подруги.

– И?!

– Он вменялся, и благодаря ему меня взяли.

На губах девушки расплывается ехидная ухмылка.

– Ты понравилась нашему Маркуше?!

– Маркуше?! – я удивленно смотрю на девушку, это имя совсем не вяжется с тем опасным и красивым мужчиной, которого я видела.

– Да! Ты же заценила, какой он красавчик?!

Пожимаю плечами, выкидываю мысли об этом человеке и, возвращаясь к своим проблемам, с волнением спрашиваю Надю, боясь услышать, что она передумала или что-то подобное:

– Ты дашь мне денег?!

– Да.

Она открывает молнию на сумке и протягивает прямоугольный сверток.

– Ты не знаешь, может мне еще кто-нибудь одолжить?

Девушка, смотря на меня хитрыми смеющимися глазами, произносит:

– Попроси у своего заступника! Он хозяин клуба.

Я киваю, а она с беспокойством бормочет:

– Ась, я пошутила. Никто не заплатит тебе вперед.

Я внимательно смотрю на волнение, появившееся в ее глазах, но я уже решила, что, даже если шансы мизерны, я должна попробовать. Лучше я буду жалеть об его отказе, чем о том, что не сделала попытку попросить и лишилась недостающих денег. Может быть, он даст мне их под процент, как банк, как знать?!

– Я хочу попробовать. Где мне его найти?

Надя мрачнеет, понимая, что глупой шуткой спровоцировала мое безумное решение, но больше не отговаривает и зовет за собой.

Около внушительной двери она меня останавливает.

– Не передумала?!

– Нет!

– Тогда иди. Я подожду тебя в гримерке.

– Хорошо.

Девушка отправляется обратно, а я выдыхаю, стучусь в дверь и, не дожидаясь ответа, чтобы, испугавшись, не передумать, вхожу.

Мужчина сидит в кресле, закинув длинные ноги в идеально начищенных дорогих ботинках на стол, и говорит по телефону. Я теряюсь. Мое воспитание тактично напоминает, что надо уйти и попробовать позже, когда он закончит разговор, но сегодня я уже перешагнула все свои моральные принципы, и бестактно ждать завершения разговора в его кабинете после всего этого кажется такой мелочью, и я продолжаю стоять и гипнотизировать его.

Окинув меня новым оценивающим взглядом и произнеся кому-то «перезвоню», Марк разъединяется и кладет мобильный на стол. Дальше он опускает ноги, поднимается из кресла и приближается.

Внутри я начинаю дребезжать, как моя любимая фарфоровая чайная пара, когда я по забывчивости оставляю ее на стиральной машине, совершающей умопомрачительные вращения, но внешне я скала и, вскинув подбородок, с вызовом смотрю на мужчину.

«Мне нельзя быть слабой! Добиваются успеха только сильные, и двери открываются только перед ними!» – как мантру, беззвучно шепчу я себе.

– Пришла поблагодарить?!

Его голос, даже звучащий с усмешкой, помимо воли ласкает слух, но я, стараясь не поддаться его обаянию, напоминаю себе, за чем пришла. Однако это сделать непросто, особенно когда его глаза: живые, дерзкие, прожигающие всего в половине метра от меня. Я всегда считала себя толстокожей, но, похоже, его взгляд был такого калибра, что без труда пробивал мою броню. А может быть, это было убийственное трио: внешность, голос, взгляд...

Мне становится совсем не по себе. Невероятно хочется слабовольно отвести глаза, даже сбежать, но, похоже, я приросла ногами к полу, потому что по-прежнему стою и смотрю на Марка, беспомощно ощущая, как, не касаясь меня, он проникает под одежду так, что мне

кажется: негодяй даже видит, какое белье на мне надето, и я снова ощущаю себя обнаженной и беззащитной перед ним.

Встряхиваю головой, пытаюсь избавиться от его подавляющей энергетики, и твёрдо произношу то, зачем, собственно, пришла к нему:

– Мне нужен аванс за работу!

Его красивые губы кривит усмешка.

– Вот как?!

Еще раз чиркнув взглядом по моей фигуре, он категорично заявляет:

– Я не плачу вперед.

Сердце колотится в груди как умалишенное, и мне очень сложно все также смотреть на него, но я не имею права быть трусихой и не отвожу взгляд. Говорят, смел тот, кто может преодолеть свой страх, и я очень надеюсь, что я наскребу в своих закромах хоть немного того, что поможет мне его преодолеть, и я выстою.

– Тогда давайте назовем это ссудой, – выталкиваю из себя, стараясь говорить как можно спокойнее.

Марк приподнимает бровь и вопросительно смотрит на меня. Кажется, его глаза прожгли во мне дыру.

– И что я буду иметь с этого?

Не знаю, как он это делает со мной, но мое лицо попеременно то белеет, то краснеет, и сейчас, когда я снова превратилась в ледяную глыбу, я как будто замерзшими губами еле выталкиваю из себя:

– Я не стану спать с вами!

Жизнь, конечно, опустила меня на колени, но пока я не настолько раздавлена, чтобы предоставлять ему такую услугу.

– С чего ты взяла, что мне это нужно?

Я тотчас заливаюсь краской. Там на сцене Марк сделал мне комплимент, а сейчас дал пощечину моему самолюбию, дав понять, что я не интересую его как женщина. Это, конечно, очень противоречиво и, наверно, в духе представительниц прекрасного пола, но, даже не собиравшись спать с ним, сейчас я чувствую себя оскорбленной от его нежелания это получить! От этой ситуации у меня ощущение, что он, не дотрагиваясь до меня, каким-то образом поимел.

– Я готова заплатить проценты, – запихнув обиду подальше, предлагаю новый вариант нашей сделки.

– С таким предложением стоит обратиться в банк.

Я кусаю губу, чтобы не расплакаться перед ним, как глупая маленькая ранимая девочка, но это очень тяжело. Я практически раздавлена.

– Банк отказал мне.

Неимоверными усилиями заставляю себя поднять на него сверкающие от слез глаза, и мне кажется, что в его взгляде что-то поменялось, возможно, он стал теплее.

– Зачем тебе нужны деньги?

– Маме на операцию и...

Он не дослушивает меня:

– Сколько?!

– Четыреста тысяч, – с возрождающейся надеждой произношу я, но тут же больно опускаюсь на пятую точку от его требовательного:

– Иди.

Вылетаю из кабинета, глотая слезы. На что я рассчитывала?! Дура! Даже если я понравилась ему, и он настоял, чтобы меня взяли, он больше не обязан извергать для меня благородные поступки.

На автомате добегаю до нужной двери и перед тем, как войти в комнату к ждущей меня Наде, вытираю слезы. Пару раз глубоко вдыхаю и, пригвоздив к лицу спокойное выражение, вхожу.

Надя, изучив меня взглядом, тут же выносит вердикт:

– Отказал!

Я киваю и пытаюсь улыбнуться.

– Буду много работать и искать другие варианты.

Девушка внимательно смотрит и спрашивает:

– Почему ты не рассматриваешь вариант с обменом квартиры? У вас же двушка?

– Мама категорично против. Видимо, она принадлежит к тем людям, для которых вещи и воспоминания, связанные с ними, важнее собственной жизни. Я не настаивала, но не потому, что поддерживаю ее, а потому что понимаю, что продажа займет время, а его у нас как раз и нет.

Возвращаясь домой на метро, до которого меня подбросила Надя на своей красивой Audi, я никак не могу очнуться и выйти из полуотстраненного состояния. Такое ощущение, что я застряла где-то там, между произошедшими событиями, где красивый мужчина, сделав мне комплимент, заступившись за меня, взял на работу, а потом отказал мне в помощи, которая, я уверена, ничего бы ему не стоила. В моих мыслях впервые за этот ужасный месяц зафигурировали другие чувства, кроме страха и отчаянья... Мне сложно было объяснить, но я знала однозначно, что этот человек произвел на меня впечатление, вот только я пока не могла понять, какое именно.

3 глава. Марк.

Сию в кабинете и, смотря в пустоту, постукиваю пальцами по столу. Нервничаю?! Нет! Скорее злюсь. На нее, на самого себя да вообще со вчерашнего дня на всех. Почему?! Вот действительно почему?! Я молодой, красивый, самодостаточный, обеспеченный... Можно бесконечно придумывать лестные эпитеты себе, но мне нет необходимости поднимать самооценку – у меня с ней все в порядке. Тогда почему я чувствую себя так гадко, мерзко, подло из-за какой-то девчонки, что чуть не разревелась передо мной, прося денег, и которую... я ни с чем выгнал.

И что?! Вот правда, что такого?! Разве я благотворительная организация?! Я вообще вчера впервые увидел ее... Стоп. Не помогает. Неприятное ощущение не проходит, и я лишь снова вспоминаю ту, которую я неизвестно почему вчера отстоял у Марго. Новое почему! Я никогда раньше не вмешивался в процесс набора персонала. Присутствовал – да! Контролировал – да! Но не влезал в его составляющую, а тем более не менял решения своих сотрудников! Да еще и прилюдно. Да уж...

Сам того не желая, начинаю вспоминать танец девушки и чувствую: не надо. Слишком он был сексуальным...

Что-то я отвлекся. Так почему я все-таки вмешался?! Из-за ее аппетитных форм?! Хм... Нет, конечно! Красивых девчонок в силу своей работы и не только я видел и вижу много и с разного ракурса. Красота уже не воспринимается мной как что-то завораживающее. Она приелась, замылилась, и я смотрю на нее как на что-то должное. В ней было что-то большее. Что?! Дерзость, перемешанная со смирением... Порочность, граничащая с невинностью... Смелость с замаскированным страхом... Пожалуй. Все было так необычно, притягательно и незабываемо. Наверно, поэтому она и не выходит у меня из головы. Но особенно после того, как решительно ворвалась в мой кабинет, строя из себя уверенную суку, а на самом деле с трудом выдерживала мой взгляд, а потом вообще ввела в замешательство своими слезами, застывшими в красивых глазах так, что я малодушно ее выгнал...

Мой самоанализ нарушает тихий стук в дверь, и я рывкаю:

– Входите.

В кабинет просачивается Надя, более известная в нашем клубе как Клео или официально для объявления выхода диджеем на сцену Клеопатра, и смотрит мне в глаза, пытаюсь замаскировать удивление.

– Садись.

Киваю ей на одно из свободных кресел и молчу, наблюдая, как она выполняет мое распоряжение.

– Ты вчера привела девушку, – начинаю говорить я, стараясь это делать как можно безразличнее. – Марго не хотела ее брать, а мне она понравилась...

Осекаюсь. Что я несу?! Поспешно пытаюсь исправить.

– Думаю, она подходит для нашего клуба.

Клео отмирает, кивает, и в глазах вспыхивает азарт.

– Да. Я получу за нее свой бонус?

Машинально соглашаюсь и начинаю переходить к интересующей меня сути:

– Где ты ее нашла?

Девушка расслабляется, поняв, что тема разговора фривольная, и, улыбаясь своей фирменной обольстительной улыбкой, тараторит:

– Она моя одноклассница. Я случайно встретила ее в банке. Ей нужны были деньги на операцию маме, а банк отказал.

Надя подтверждает слова, прозвучавшие вчера от девчонки, а мне становится еще паршивее. Это была не отмазка, чтобы разжалобить меня и выудить деньги. Предположение, что

она аферистка, что пытался навязать мой мозг, чтобы найти мне оправдания, летит к чертовой матери. Девушка пришла просить помощи, наивно поверив, что я тот, кто может ей ее оказать. Задавая следующий вопрос, я практически уверен, что услышу отрицательный ответ.

– Она не танцевала нигде раньше?

Надя мотает головой и быстро добавляет:

– Но она толковая и быстро всему научится, тем более у нее за плечами столько лет бальных танцев!

Я машинально киваю и вдруг отчетливо осознаю, что девчонка конкретно зацепила меня. Давно я не испытывал такого раздрая в себе.

– Хорошо. Иди.

Клео встает и, покачивая бедрами, направляется к двери, но я отворачиваюсь и не смотрю ей вслед. Я не путаю работу и развлечения, чтобы потом не разгребать грязное белье.

Остаюсь один и снова прокручиваю полученную информацию. Девчонка никогда не работала в стриптизе и пришла сюда, чтобы заработать на операцию для матери. Для нее это точно безумный поступок... Если бы я был хорошим человеком, вызвал ее, дал денег и советовал, чтобы она держалась подальше от заведений типа моего, но я не такой. Настроение катится вниз еще стремительнее. Все. Стоп! Надо избавиться от этих мазохистских мыслей! Нахожу проблемы на ровном месте и сам создаю себе головную боль. Надо просто выкинуть девчонку из головы! Она совершеннолетняя! К тому же это ее решение, а не мое! Резко встаю из-за стола и, вылетая из кабинета, направляюсь к машине.

Никогда не считал себя альтруистом, почему же с ней я начинаю играть в несвойственное мне благородство?! Убеждаю себя, что я просто хочу обезопасить свою шкуру и убрать ее подальше с моих глаз, поступком, который для меня ничего не стоит, и решительно направляюсь к Стасу.

Заглядываю и, убедившись, что он один, вхожу. Приятель протягивает руку, мы здороваемся, и я думаю, как лучше начать деликатный разговор.

– Что-то случилось?! – опережая меня, спрашивает он, и я хмурюсь, и признаюсь:

– Я хотел попросить тебя кое о чем.

Стас молча смотрит, ожидая продолжения, и я выкладываю:

– Девчонка... та, которую вчера не хотела брать Марго, приходила ко мне и просила денег. У нее там мама больна вроде. Я вчера ей отказал, но сегодня решил помочь.

Еще сильнее хмурюсь от пристального взгляда мужчины и, чтобы скорее завершить неприятное мне дело, вытягиваю из кармана стопку банкнот, и протягиваю ему.

– Отдай ей как бы от себя. Скажи, что может не возвращать.

Стас перелистывает купюры, присвистывает и, с ухмылкой смотря на меня, спрашивает:

– Почему сам не отдашь?

Отмахиваюсь.

– Я и так за нее заступился. Не хочу, чтобы девчонка что-то о себе возомнила.

– А ей стоит?!

Пытаюсь нацепить на лицо безразличную маску и твердо говорю:

– Нет!

– Девчонка-то – бомба. Марго сразу заметила бриллиант и решила убрать с глаз долой.

– Красивая, – соглашаюсь я, а Стас как специально начинает еще больше ее расхваливать.

– Она сегодня приходила к нам на занятия. Пару тренировок, и мы ей такие номера поставим – зал взорвется!

Верю ему безоговорочно, но почему-то мне не нравится то, что я слышу. Нелогично! Должен радоваться, а я надеюсь, что, получив деньги, она исчезнет и больше никогда не появится в нашем заведении.

Прощаюсь, ухожу и, пройдя первый коридор, встречаю ту, которую больше всего не хочу видеть.

Ярко выраженный колючий взгляд, сжатые губы. Девчонка поспешно пытается проскочить мимо меня, но я почему-то делаю шаг в сторону, преграждая ей дорогу, и в упор смотрю на нее. Она поднимает свои горящие глаза в веере густых ненакрашенных и ненаращенных ресниц и с вызовом смотрит на меня. У нее невероятные глаза. Язык не поднимается банально назвать их карими... вот у меня, да, карие, а у неё они медовые или скорее янтарные... С темными и светлыми прожилками, как будто бисеринками, застывшими со временем.

Понимая, что свой странный поступок надо хоть как-то объяснить, рявкаю:

– Тебя здороваться не учили?!

Она раскрывает свои пухлые губы и швыряет мне в лицо ледяное «здравствуйте».

Я ощущаю едва уловимый фруктовый запах ее волос, с головой окунаюсь в ее глаза и пропадаю. Я буквально теряю голову, как от горячительного напитка идентичного цвета, и вдруг отчетливо понимаю, почему веду себя как идиот; почему не могу избавиться от мыслей о ней; почему пытаюсь прогнать ее из клуба. Все просто – я не хочу смотреть со сцены, как она будет эротично двигать своим телом, демонстрируя всем свои прелести, я хочу видеть это все эксклюзивно. Я хочу её себе! Эта девчонка как горячая норовистая лошадка – необъезженная, непокорная и безумно манящая. Особенно с таким пылающим взглядом как сейчас. Она будоражит, доводит до бешенства и сносит крышу. И хоть я прекрасно отдаю себе отчет в том, что, чтобы ее объездить, придется совсем непросто, но это-то и заводит. Я покажу ей, кто хозяин!

Пока я, пропадая в ее глазах, ставлю для себя цели, девчонка, пользуясь моим замешательством, огибает меня и направляется к выходу.

4 глава. Деньги.

В моей жизни все перепуталось: черное-белое, белое-черное. Все мои понятия, все мои устои разбились об прозу действительности. Раньше все было так просто, и я, оценивая человека, легко вешала на него ярлык «плохой» или «хороший» и соответственно отталкивала от себя всех заклеянных и притягивала избранных. Вряд ли что-то могло поколебать мои прикреплённые на людей определения, и «чёрный» никогда не мог стать «белым», а к полумерам меня не приучили.

Однако сейчас мой фундамент начал шататься под ногами, поскольку я никак не могу найти нишу для некоторых окружающих людей. Вот, например, Надя не вписывается в мои понятия «хороших» уже по определению рода ее деятельности, но она протянула мне руку помощи и априори не может быть плохой. Тоже относилось и к Оксане: она давно была отнесена к людям светлой касты, к тому же была моей близкой подругой, но первая, узнав о несчастье, обрушившемся на мою семью, даже не предложила пару тысяч, хотя ежедневно спускала гораздо больше на тонны совершенно ненужных ей вещей, сказав, что такой большой суммы у нее нет. Наверно, я столкнулась с проблемами взрослой жизни, где детские понятия о добре и зле не работают, но мама всегда также оценивала людей. Почему же у меня не получается?!

Оксана поворачивается ко мне и протягивает шоколадку. Я машинально тянусь, но останавливаюсь на полпути, вспоминая слова Нади о том, что надо постоянно держать себя в форме, и если ты не ходишь в спортзал, то должна придерживаться диеты, потому что чем лучше выглядит стриптизерша, тем больше она получает. Я хоть никогда не страдала от лишних килограмм и за последний месяц от стресса вообще потеряла парочку, все же решаю воздержаться от сладкого.

Подруга бросает вопросительный взгляд на мой маникюр и, удивленно приподняв брови, спрашивает:

– Нашла деньги?

Киваю, стараясь внешне оставаться невозмутимой. С тех пор как я молча вписала себя в касту порочных, мне кажется, что у меня на лбу отпечатано клеймо и все, кто смотрит на меня теперь, понимают, как низко я опустилась.

– Где? – слышу новый вопрос и делаю то, что раньше никогда не делала – обманываю подругу:

– Мне дали кредит.

Делиться с ней моей страшной тайной я не могу, к тому же чувствую, что после ее последнего поступка в наших отношениях появилась невидимая трещина, и я еще не знаю, к чему она приведет.

– В каком банке?!

Скрепя сердце называю банк, в котором встретила Надею, и, чтобы не продолжать погружаться в трясину своей лжи, перевожу тему, и спрашиваю соседку о ее приторном парне, от которого у меня при встрече сводит зубы.

Пока Оксана, утонув с головой в своей любимой теме, делится подробностями вчерашнего свидания, я почему-то возвращаюсь мыслями к Марку. Странно. С ним как раз все просто: красавчик не вписывается в категорию «хороший», и то, что он вступился за меня на кастинге, скорее всего, входит в какой-то его зловещий план, о котором я еще не знаю. Марк – самовлюбленный, бессердечный мужчина, еще и хозяин стриптиз-клуба. Только почему-то, когда я начинаю, помимо своей воли, вспоминать его, сердце предательски ускоряется, а память включает звук и напоминает, какой очаровательный у него голос, и вдобавок рисует перед глазами его образ.

На кастинге мой эротичный танец и попытки сексуально потереться о пилон, возможно, и произвели впечатление на присутствующих мужчин, но были недостаточными для того, чтобы выпустить меня на сцену, и я уже третий день хожу на занятия по стрип-пластике к Лене под неусыпным оком Стаса и осваиваю несложные вращения типа стрелки, феи и пистолета.

Они придумали весьма откровенные на мой взгляд и скромные по меркам этого заведения постановочные номера, с которыми я начну свою работу, и я с неимоверным усердием репетирую их, даже несмотря на то, что подружиться с шестом оказалось совсем непросто и первое занятие мне было сложно усвоить, куда девать руки и ноги и как держать баланс с такими осязаемыми по весу стрипами.

От стального друга болит все тело, на ногах синяки, на руках мозоли, но я не сдаюсь и продолжаю осваивать «простую» работу танцовщицы стриптиза.

– Умница! – слышу голос Стаса, и от его слов поддержки хочется выложиться еще больше.

Наверно, это привычка с детства, кнут и пряник всегда были для меня лучшим вариантом продвижения. Только ругать меня было бесполезно, я замыкалась в себе и становилась невосприимчивой к любой информации, а после похвалы словно расправляла крылья и хотела свернуть горы. Тот, кто находил эту тонкую ниточку, за которую мог дергать, манипулируя мной, достигал отличных результатов. Наверно, и хореограф ее отыскал!

Улыбаюсь уходящей Лене и поворачиваюсь к Стасу, смотрящему на меня, как нашкодивший кот. На кота он, собственно, и похож: жилистый, пластичный, с осанкой, выдающей в нем бывшего танцора, и зелеными ласковыми глазами.

– Ася, – начинает он и думает над тем, что озвучить следом.

Я реально удивлена и немного волнуюсь. Обычно после тренировки я слышу от него «пока, увидимся завтра», а тут...

Внимательно смотрю на мужчину, готовясь услышать что-то плохое, но он неожиданно произносит:

– Я слышал: у тебя мама больна и тебе нужны деньги.

Первое – это шок, и я беспомощно застываю взглядом на его лице и непроизвольно хлопаю ресницами, второе – жужжащий вопрос – откуда эта информация: Надя?! Марк?! Но все тут же отходит в сторону, лишь только мужчина достает из кармана внушительную стопку купюр и протягивает их мне. Я, как загипнотизированная, смотрю на них и не могу ни протянуть руку и взять, ни вымолвить ни слова.

– Можешь не возвращать.

Сглатываю комок слез, душащих меня, и импульсивно бросаюсь ему на шею. Понимаю, что это моветон и все такое, но, похоже, я покатила по наклонной плоскости, забыла все свои хорошие манеры и вернулась к импульсам, которые так долго искореняла из меня мама.

Когда я отпускаю смущенного Стаса, я сама не знаю, куда себя деть, и еле заставляю себя сказать:

– Спасибо. Я отдам тебе, как только заработаю!

– Не надо, – неловко произносит он и отводит глаза. – Тебе нечего тут делать.

Я опять ошарашенно смотрю на него. Я всегда думала, что благородные мужчины существуют только на страницах книг, а если когда-то и существовали в действительности, то давно вымерли, как динозавры, но даже если передо мной последний из могикан, я все равно не могу взять деньги и не вернуть их. И дело даже не в том, что я боюсь, что он прячет за пазухой скрытые мотивы. Нет. Я даже почти на сто процентов уверена, что помыслы его чисты, просто я не могу так поступить. Это нечестно по отношению к незнакомому человеку! Конечно, было бы чудесно с легкостью безмозглой барби принять их как подарок и не заморачиваться, но при всех не самых лучших изменениях, произошедших во мне в последнее время, я еще не докатилась до такой стадии деградации и надеюсь, что не докачусь.

- Спасибо, но я верну.
- Ася, я ничего не потребую взамен. Не бойся!
- Натягиваю улыбку и решительно смотрю ему в глаза.
- Я так не могу.
- Но ведь ты бы ни за что не пришла сюда, если бы тебе не нужны были деньги!
- Не пришла бы, – соглашаюсь я и отворачиваюсь от его пристального взгляда.
- Ты же не хочешь собирать на себе похотливые взгляды?!
- В жизни часто приходится делать то, что не нравится, – уклончиво отвечаю я.
- Он вздыхает.
- Значит, все равно будешь работать?!
- Пока не рассчитаюсь, – бормочу я и, чтобы быстрее закончить душераздирающий разговор, кидаю «спасибо, до завтра», и выхожу, с грустью думая о том, что похотливые взгляды – это не самое страшное. Больше я боюсь чужих прикосновений...

Поставив на поднос суп и свежавыжатый сок, я направляюсь в комнату к маме. Когда я пришла, она спала, и я не стала ее будить и занялась готовкой, которой последнее время совсем не было желания заниматься, да и едоки мы с ней были не ахти.

Открыв дверь и встретив ее взгляд, я искренне улыбаюсь. Деньги я нашла, теперь надо срочно договариваться об операции, а все остальное – мелочи жизни, с которыми я обязательно справлюсь.

- Привет! Я тебе суп сварила.

Мама грустно смотрит на меня. Она явно не испытывает голода, но и огорчать меня не хочет, тем более я по-настоящему выгляжу радостной.

Сажусь на кровать, ставлю поднос на тумбочку и весело говорю:

- У нас есть деньги на операцию и на последующее лечение.

В ее глазах я вижу проблеснувший огонек надежды, но он мгновенно тухнет в беспокойстве, заполнившем взгляд.

- Где ты их взяла?!
- Встретила Надю Андрееву, помнишь?! Она одолжила.

Мама кивает.

- Откуда у нее такие деньги?!
- Она работает.
- Кем?!

Поворачиваясь к тумбочке, беру тарелку, чтобы она не видела мое лицо, и говорю:

- Не знаю, в какой-то крутой компании.
- Ее взяли без диплома?!
- Мам, я не спрашивала. Главное, она помогла.

Мама вздыхает.

- А как мы ей их отдадим?

– Частями. Не волнуйся. Я как раз устроилась в больницу на ночные смены, – бормочу я свое ложное алиби, придуманное специально для нее, чтобы было как объяснить мои предстоящие ночные отсутствия, и замираю в ожидании ее реакции.

- А как же университет?!
- Днем буду учиться, а ночью буду получать практику в должности медсестры.
- Не очень хорошая идея.
- Я все продумала, я справлюсь. Главное, чтобы ты поправилась!

5 глава. Трудяга.

Мои тренировки в клубе проходят каждый день в пол пятого, и я бегу сломя голову после лекции, чтобы не опоздать, поскольку сейчас чувствую еще большую ответственность. Мне надо не подвести не только Надю, но и Стаса, который так же, как и она, помог материально. Иногда, когда лекции по расписанию совпадают с тренировками, я скрепя сердце пропускаю их. Раньше, в той прошлой счастливой хоть и обыкновенной жизни такого никогда не было, и потому мои необычные поступки вызывают большое удивление Оксаны и ее бесконечные вопросы по этому поводу. Отмазываюсь уже входящей в привычку ложью, что мне нужно куда-то сопровождать маму, и исчезаю.

Выполнив все свои номера от начала до конца несколько раз без накладок, поворачиваю свое довольное лицо к Лене, и она подмигивает мне.

– Трудяга!

Я, правда, заслужила похвалу. Не видя в глаза раньше пилон, я за несколько дней освоила с десятков не сложных, но красивых прокруток и ни разу не ныла, что болит тело, что я устала и прочее. Вот если бы еще при их исполнении не надо было раздеваться... Но я стараюсь не думать об этом. Зачем расстраиваться раньше времени?!

Ловлю взгляд Стаса.

– Когда ты мне разрешишь приступить к работе?!

– Ты не передумала?!

Мотаю головой.

– Я не решаю это. Нужно подойти к Маргарите или Марку, чтобы они посмотрели твои номера и дали добро.

Отворачиваюсь, чтобы он не прочитал замешательство в моем взгляде. Вздыхаю. Один «лучше» другого. Маргарита точно к чему-нибудь придерется. Она не влюбила меня с первого взгляда. Марк... Здесь все непонятно, но больше всего не хочется. Но я понимаю, что если к кому-то и идти, то к нему.

«Чем быстрее я приступлю к работе, тем быстрее отработаю деньги и забуду все как страшный сон», – уговариваю себя и обращаюсь к Стасу:

– Я могу позвать его сейчас?!

– Можешь.

Меняю стрипы на балетки и выхожу в коридор. Последняя наша встреча с Марком была не самой лучшей, и я предполагаю, что позитивной реакции на свое появление от него мне не стоит ждать. Успокаиваю себя тем, что в конце концов он сам утвердил меня на эту работу и должен радоваться, что я такой добросовестный человек, который быстро все подготовил и рвется в бой.

Остановившись перед его дверью, ощущаю, как сердце предательски нажимает на газ и ускоряется, и даже несколько больших глотков воздуха не помогают сбить его темп. Ладно. Глупо стоять под дверью и терять время. Стучу, дожидаясь на этот раз возгласа «входите» и вхожу.

Встречаемся глазами мы сразу и словно примагничиваемся друг к другу. Странное, непонятное и необъяснимое свойство, которое меня пугает, хотя бы потому, что не поддается контролю.

Когда его взгляд отрывается, то тут же падает вниз, и я кожей через одежду чувствую кривую его падения: ключицы, грудь, живот, ноги... Оттого что он шарит по моему телу, я вся

напрягаюсь и опять ощущаю себя голой, хотя это недалеко от истины – пару лоскутков ткани вряд ли можно назвать одеждой.

– Здравствуйте, – произношу я, памятуя его прошлый укор, и продолжаю: – Я бы хотела, чтобы вы утвердили мои номера.

После моих слов Марк смотрит на меня как-то странно. Такое впечатление, что он удивлен, что я об этом прошу?! Почему?! Стас что-то перепутал?! Может, обычно об этом просят Мегеровну?!

– Ты не передумала выступить?! – бросает он мне, хмуря брови.

Я вскидываю голову, удерживаю взгляд.

– А должна была?!

Марк молчит и глядит на меня так, как будто пытается подобрать код доступа к моей черепной коробке и узнать, о чем я думаю.

– Обратись к Маргарите.

Я вспыхиваю. Вот что за гад?! Не оторвать задницу от стула и не уделить мне несколько минут?! Ведь он прекрасно знает, что эта мегера меня забракует и не выпустит.

Сказать ему об этом чешется язык, но я не могу себе этого позволить, поскольку сейчас на эмоциях могу сказать лишнего и через несколько минут пожалею о своей импульсивности, ведь он как взял меня, так и вышвырнет на улицу. В конце концов никакой трудовой книжки здесь не предусмотрено, и при моем трудоустройстве ничего, кроме как заполнить анкету, не попросили. Заставляю себя вспомнить уроки выдержки из детства и, подавив свои эмоции, молча разворачиваюсь, и иду к двери.

– Стой.

Останавливаюсь, но из вредности не оборачиваюсь. Команды же на это не было?!

– К чему такая спешка?!

Медленно поворачиваюсь и, испепеляя его глаза, с вызовом говорю:

– Мне нужно отработать деньги, которые мне одолжили хорошие люди!

Я надеюсь, что он уловит камень, летящий в его огород, и поймет, что вчера меня обидел! А еще, что существуют другие люди, которые умеют доверять и помогать, и что я серьезно отношусь к своим долгам!

Он снова молчит и снова странно смотрит на меня.

– Через пять минут приду. Иди, – бесстрастно произносит он, и я отворачиваюсь, закрываю глаза и выхожу, гадая о том: со всеми он так себя ведет или лично мне так подфартило?!

Танцевать перед Леной и Стасом было несложно, (наверно, я к ним привыкла) а танцевать, зная, что Марк смотрит на меня, и чувствовать на коже ожоги от его взгляда почти невыносимо, особенно когда из одежды на мне остались только тоненькие полосочки стринг. Совершая несложные завершающие прокрутки на пилоне, я буквально отсчитываю секунды до последних тактов мелодии. Однако, когда она завершается, я вместо того, чтобы побыстрее поднять лоскутки своего наряда и прикрыться, первым делом смотрю на Марка. Столкнувшись с его взглядом, я растерянно замираю – в его глазах бушует адово пламя. Он как будто хочет проглотить меня прямо тут при всех, целиком. Мужчина явно не ожидал, что я сворую его эмоции, но и отворачиваться и прятаться точно не собирается. Это делаю за него я. Испугавшись своего открытия, опускаю глаза и слышу его привычное безэмоциональное обращение к Стасу:

– Можешь включить её номер в завтрашнюю программу.

Слышу, как тот произносит «да», и на эмоциях благодарно смотрю на Марка. Он, небрежно скользнув глазами по моему телу, останавливается на глазах, и я замечаю, что его взгляд уже другой – обычный или скорее равнодушный. Ничего горячего в нем не осталось.

Теряюсь. Может быть, мне просто все померещилось?! Не мог же он так быстро потушить свое пламя?!

– Подойди к Маргарите и обсуди с ней детали, – небрежно бросает мне Марк уже на ходу, и я, бормоча «хорошо», гипнотизирую его широкую спину в черном пиджаке, удаляющуюся и скрывающуюся в дверном проеме.

Радость вдруг резко сменяет страх и вовсе не от предстоящей встречи с неприятной женщиной, а из-за того, что время икс назначено и завтра я пересеку черту: разобью все свои моральные устои и запачкаю себя неприемлемой для себя ролью танцовщицы-стриптизерши.

Маргарита отрывается от компьютера и смотрит на меня с нескрываемой недоброжелательностью.

– Что тебе?!

Меня не трогают ни ее тон, ни ее взгляды, и я спокойно говорю:

– Марк сказал подойти к вам и решить какие-то вопросы. Я завтра буду выступать.

Она удивлена моим словам и не пытается скрыть этого. В ее взгляде, как в раскрытой книге, читается: так скоро?! При других обстоятельствах это, скорее всего, позабавило бы меня, но не сейчас.

Придя в себя, женщина раздражительно поправляет меня:

– Не Марк, а Марк Сергеевич!

Никак не отреагировав на замечание, я по-прежнему стою у входа и спокойно тараню ее взглядом.

– Проходи, – наконец соизволяет Маргарита и указывает рукой на стул.

Послушно выполняю указания и сажусь напротив. Она внимательно смотрит на меня и назидательно заявляет:

– В первый день от тебя потребуются только исполнить свой номер. Продавать позиции из сгазу-меню – например, приватные танцы – тебе не стоит. Но находишься в зале, смотри на других девочек и учись.

Киваю и продолжаю молча смотреть на нее.

– Звание артистки стриптиза одной пластикой, томным взглядом и полуоткрытым ртом не заработаешь. А, кроме подтянутой попки и сисек, нужно еще уметь говорить, да так, чтобы гость расслабился, расправил свой павлиний хвост и спустил на тебя все содержимое своего кошелька.

– Я умею поддержать беседу.

Она усмехается и снова оглядывает меня.

– Образ роковой женщины, гламурной львицы и оторвы ты не потянешь, а вот – девочки-припевочки в самый раз.

Смотрю на нее во все глаза и не понимаю: она сейчас шутит или серьезно говорит?!

– Мне надо твой номер посмотреть, чтобы точно определиться. И имя тебе подходящее подобрать.

Понимаю, что с ней спорить бесполезно, встаю и снова тащусь к Стасу. Надеюсь, он еще свободен, и мне не придется долго ждать своей очереди.

После очередной прокатки она дает рекомендации по макияжу и прическе, напоминает, что мое тело должно быть идеально и что она завтра лично проверит это, и отпускает меня восвояси.

6 глава. Асаль.

Я зол! Даже не зол – я взбешен! Любая на ее месте взяла бы деньги и испарилась! Любая! Тем более после избавляющих от гнета совести слов, что долг не надо возвращать. Так почему она не ушла и рвется приступить к работе?! Чертова девчонка!

Достаю телефон из брюк, нахожу номер Стаса и звоню.

– Свободен?!

Слышу утвердительное «да».

– Зайди.

Хожу по кабинету взад-вперед и не могу ни найти места, ни отыскать сил взять себя в руки. Когда я так эмоционально на что-нибудь реагировал?! Да никогда! По крайней мере, не помню. Наверно, причин не было. У меня все было гладко и стабильно. И я давно привык все контролировать! Никаких сильных эмоций, никаких обязательств, никаких проблем!

Мужчина стучит и сразу входит.

– Что не так?!

Стискиваю зубами свои эмоции и поворачиваюсь к нему.

– Она взяла деньги?!

– Взяла.

– Тогда почему она еще тут?! – повышая голос, восклицаю я.

Понимаю, что не прав. Стас вообще тут ни при чем. Он помог, выступив посредником, но я слишком зол, чтобы мыслить адекватно. Весь мой задуманный план развалился, как карточный домик.

– Марк, если ты не хочешь, чтобы она тут работала, найди повод. Сама она, пока не вернет долг, не уйдет.

Потом немного помявшись, мужчина добавляет:

– Только учти, в городе не один стрип-клуб, а ей нужно вернуть деньги! Быстро! И еще учебу не запустить!

Мысль о том, что она может уйти в другой клуб, добивает меня окончательно. Я об этом даже не думал, и это последнее, чего я хочу. Пусть уж лучше у меня под присмотром и защитой.

– Она тебе так сказала?!

– Ася сказала, что не может принять деньги в качестве подарка и вернет их. Все остальное – мои логические выводы.

– Ладно. Прости, что сорвался.

– Понимаю.

Угрюмо смотрю на Стаса. Понимает, что шеф свихнулся?! Я никогда не вел себя так импульсивно и противоречиво.

Не дожидаясь ответа, он идет к двери, а я подхожу к окну. Проигрывать меня, похоже, в детстве так и не научили, и катящиеся к чертям планы выбили меня из колеи. До сих пор не могу успокоиться и принять то, что она будет выступать. А от одной мысли, что завтра ее обслуживат пошлыми взглядами уйма мужиков и я бессилен это изменить, я впадаю в бешенство. Что так и будет, я не сомневаюсь – видел ее номера. Этот снос башки и не только... А она даже не понимает, что она бомба замедленного действия.

В дверь снова стучат. Я бросаю неизменное «входите», но продолжаю стоять вполоборота к входу и смотреть на нескончаемый поток машин. Только вот дорожный хаос не в состоянии вытравить из меня тот раздрай, что поселился во мне с появлением этой девчонки и разрушил мои многолетние безмятежные будни.

– Не занят?!

По голосу узнаю Маргариту и поворачиваюсь. Женщина неизменно встречает мой взгляд обольстительной улыбкой. Кидаю улыбку в ответ. Мы уже много лет играем с ней в странную игру: она при каждом удобном случае посылает мне сигналы о ее симпатии и готовности перейти на следующий более интимный уровень, но делает это так филигранно, чтобы в любой момент включить задний ход и перевести все в шутку; я пытаюсь сделать из себя ничего не замечающего идиота и изображаю, что ничего не происходит. Несмотря на то, что Марго обладает весьма выдающимися формами, она не в моем вкусе. Все в ней фальшивое, искусственное: от наполовину лишённого мимики лица и надутых губ до фигуры, перекачанной силиконом. И пусть мне почти тридцать, ее тридцать с хвостиком даже в эффектной на первый непристальный взгляд обертке меня не привлекают. Я по-прежнему предпочитаю молодость и естественность.

– Нет. Проходи.

Женщина садится в кресло и закидывает ногу на ногу. Наблюдает мою реакцию, но я даже не смотрю на задрывшуюся юбку, оголившую ноги. Я все еще нахожусь под впечатлением возбуждающего танца Аси.

Специально, чтобы провести черту, разделяющую нас, сажусь не напротив, а за стол, на свое место.

– Что ты хотела? – пытаюсь вернуть рабочую атмосферу, спрашиваю я.

Она снимает с лица приторную улыбку и, став вновь добросовестным сотрудником, отвечает:

– Я по поводу новенькой.

Тихо вздыхаю. Опять Ася, но, стараясь говорить равнодушно, спрашиваю:

– Что еще с ней?!

– Ей нужно утвердить сценическое имя, раз она завтра выступает... Я тут...

Удивленно прерываю:

– Разве девушки не сами его себе выбирают?!

Марго презрительно фыркает.

– Что она себе придумает?! Она же не профессионал!

Молча усмехаюсь. Это, наверно, больше всего мне и нравится в этой девчонке.

Откладываю свои мысли и спрашиваю:

– У тебя есть варианты?

Женщина улыбается.

– Да. Я тут покопалась в арабских именах. Вот послушай, у меня есть пара вариантов.

Она открывает блокнот и читает:

– Амира – это означает принцесса, Малика – королева.

– Еще варианты есть?!

Маргарита пытается сдвинуть недвигающиеся брови.

– С ее сомнением это самые подходящие.

– Ты пришла с двумя именами?!

– Нет.

– Дай посмотреть.

Я указываю глазами на блокнот, и она после секундного замешательства протягивает его.

Пробегаюсь глазами по записям: Багира – блестящая, Галия – драгоценная, любимая...

Читаю дальше – все не то.

Задумываюсь и буквально вижу перед собой мед, заполнивший радужку глаз Аси.

Кидаю блокнот, беру телефон и, разблокировав, в поисковой строке пишу:

«Арабское имя, означающее мед».

Спустя минуту нахожу то, что искал, сценическое имя для сладкой девочки...

– Асаль... – озвучиваю я.

Маргарита растерянно смотрит на меня.

– Что оно означает?

– Мед.

В ее глазах удивление.

– При чем здесь мед?

Снова вспоминаю манящие, затягивающие в свой сладкий водоворот медовые глаза, но не делюсь с Марго своими приятными воспоминаниями, а говорю:

– Имя красивое и похожее – Асаль, Ася... И ей подходит – сладкая, вкусная.

Не думаю, что Маргарита оценила мой выбор, но спорить не стала.

– Хорошо – значит, Асаль.

Я растягиваю губы в улыбке.

– Что-нибудь еще?

Женщина качает головой, встает и нехотя уходит.

7 глава. Первый рабочий день.

Мой первый рабочий день начинается в семь часов. Если сказать, что я волнуюсь, входя в примерку – это ничего не сказать. Меня даже трясет. Надя, специально пришедшая пораньше, чтобы помочь мне собраться, лишь бросив на меня взгляд, восклицает:

– Жесть.

– Я хотела выпить успокоительное, – оправдываюсь я. – Но ты же говорила, что клиенты могут захотеть угостить коктейлем, а отказываться нельзя. Вот я и не хочу смешивать.

Девушка закатывает глаза и отходит от меня. Возвращается она уже со знакомой бутылкой и двумя стопками.

Я отрицательно мотаю головой.

– Я очень восприимчива к алкоголю! Если еще надо будет пить в зале.

– Прекрати тарыхтеть и слушай опытную подругу, если не хочешь упасть в обморок на сцене, – говоря это, Надя разливает по стопкам янтарную жидкость и, поставив передо мной одну, другую берет в свою руку.

– Ну что, чтобы твой первый рабочий день прошел удачно!

Киваю, осторожно проглатывая содержимое. Не понимаю, что может нравиться в алкоголе?! Пока я морщусь и восстанавливаю дыхание, подруга очищает мандарин и протягивает мне половинку. Заев неприятный привкус, поднимаю на нее глаза и слышу первое распоряжение:

– Переоденься.

После того как я влезаю в уже привычные скудные кусочки материи, призванные не скрывать тело, а подчеркивать его наготу, и послушно сажусь на указанный стул, девушка, источая свою бешеную энергетику, приступает к созданию моего образа, согласованного с Маргаритой Мегеровной.

Она воодушевленно машет кисточками, меняет карандаши, достает из косметички тени, пудру, румяна, просит меня то смотреть в разные стороны, то закрыть глаза и наконец спустя минут двадцать произносит долгожданное слово «готова». Я встречаюсь с самой собой в зеркале глазами и не могу скрыть приятного удивления. Я рассчитывала увидеть утопающее в тоннах косметики лицо, в котором даже я не найду знакомых черт, но в отражении я по-прежнему вижу себя, только я кажусь более взрослой и эффектной.

Невольно улыбаюсь и признаюсь:

– Не ожидала, что мне понравится.

Подруга фыркает.

– Считаешь, что у меня нет вкуса?!

– Да нет...

Я хочу сказать, что думала, что для сцены нужен более яркий макияж, но Надя не даёт мне донести свои мысли и перебивает:

– Ты сама по себе красива. Я просто подчеркнула то, что тебе перепало от родителей. Сейчас мужчины предпочитают естественность.

– Правда?!

– Да. Многие девочки сейчас убирают накачанные губы, наращенные волосы и ресницы, а многие думают, как без последствий избавиться от силикона в теле.

Наш разговор прерывается звуком открываемой двери и чужими голосами. Я оборачиваюсь и, взглянув на появившихся девушек, натываюсь на светлые холодные глаза красивой блондинки, которые сразу, без стеснения начинают скрупулезно разглядывать меня. Вторая вошедшая с ней темноволосая девушка, не останавливаясь, направляется к своему месту, и мне не удается толком ее разглядеть.

– Девчонки, познакомьтесь, это Ася, – представляет меня Надя, и я приветливо улыбаюсь стоящей напротив девушке, но та, проигнорировав мою доброжелательность, надменно вскидывает брови и удивленно переспрашивает:

– Ася?!

– Это не псевдоним. Мегеровна еще не озвучила нам его.

– Лилу, – отзывается со своего места брюнетка.

– Злата, – словно делая одолжение, бросает блондинка.

Подруга упирается в нее взглядом.

– Красотка, правда?!

Та вскидывает голову и, пожав плечами, отходит, цедя:

– Мы все тут не пальцем деланные.

– Ладно уж иди, завистница!

– Пфф...

Не успевает Злата дойти до своего места, как в комнате появляется еще одна особа. Это уже не девушка, а молодая женщина с огненно-рыжими волосами. Возраст ее определить невозможно, но она однозначно яркая, красивая, ухоженная. Все в ней: начиная от не бросакой, но очевидно дорогой одежды до манеры себя нести – говорит о том, что она опытная и знающая себе цену женщина.

– У нас прибавление?! – снисходительно бросает она скорее не мне, а Наде, и та, кивнув, называет ей мое имя.

– Матильда, – произносит женщина, с улыбкой смотря на меня, и добавляет: – Не дрейфь! Все когда-то начинали и ничего – прижились.

О том, что я не собираюсь приживаться в этой сфере, а планирую стать врачом, я благоразумно умалчиваю, но растягиваю губы в ответной улыбке и смотрю, как она проплывает мимо нас, оставляя за собой шлейф будоражащего аромата.

Подруга, подмигнув мне, тоже отходит и, приземлившись на кресло, расположенное рядом с моим, начинает колдовать над своим лицом, а я, не желая остаться один на один с рвущимися в сознание и пугающими мыслями о предстоящей работе, вернувшись на свое место, развесив уши, начинаю слушать веселый рассказ Матильды о ее сегодняшнем приключении на дороге.

Разговоры девушек прерываются как по команде, лишь только в гримерку входит Мегеровна. Растянув на губах фальшивую улыбку, она здоровается со всеми и утыкается взглядом в мои глаза. После чего не менее скрупулезно, чем Злата, исследует меня от кончиков пальцев до макушки и не сделав никаких замечаний по поводу макияжа, прически, одежды, состояния моих ногтей и кожи, заключает:

– Годится.

Кинув беглый взгляд на других девочек и отметив, что они еще не собраны, она бросает «зайду попозже» и направляется к выходу, но в дверях оборачивается и, снова поймав мой взгляд, произносит:

– Твое сценическое имя – Асаль. Запомни! Ты выступаешь в последней паре и выходишь после того, как диджей тебя объявит. Потом пойдешь в зал, соберешь «благодарность» от гостей, сходишь переоденешься и выйдешь на сцену после нового объявления.

– Мы, как таксисты, отвезли клиента и снова встали в конец очереди, – раздается рядом негромкий возглас Нади.

Я киваю Мегеровне, не спрашивая, почему для меня она выбрала такое необычное имя. Не хочу нарваться на тираду возмущения типа того, что это меня не касается, да и в принципе мне все равно, как меня будут здесь звать, но за меня этим интересуется Матильда.

– Марго, что за имя такое странное?!

– С арабского «сладкая» переводится, – объясняет женщина.

- Сладенькая ты наша, – подмигивает подруга.
- Хватит трепаться, девочки! Поторопитесь! – гремит Мегеровна и снова собирается уйти, но останавливается, услышав новые слова Златы:
- Не сладкая, а мед.
- В доказательство своей правоты девушка показывает всем светящийся экран мобильного, как будто в мелком шрифте кто-то что-то может разобрать.
- Мед?! – тихо удивляется Лилу из своего угла.
- Вам не все равно?! Мед – значит мед! Марк Сергеевич выбрал это имя для нее.
- Чувствую обращенные на меня удивленные и вопросительные взгляды.
- Ну раз Маркушка!
- Злата! – одергивает Маргарита и кидает на девушку испепеляющий взгляд, без слов говорящий, чтобы она не смела так фривольно называть хозяина заведения.
- Девушка бесстрашно улыбается ей, а женщина закатывает глаза и выходит.
- Лишь только дверь за нашим менеджером и по совместительству стрип-коучем закрывается, на меня снова летят с разных сторон новые разные взгляды.
- С таким покровителем начинать, конечно, проще, но учти, на одних покровителях не выкрутишься, – поучительно вставляет Матильда, а я пишу:
- Никаких покровителей у меня нет.
- Да ладно. Чего стесняешься! – отзывается со своего места Надя. – Сама рассказывала, что Маркуша отстоял тебя у Мегеровны, да и твои медовые глазки как видно уже заценил.
- Чувствую, как к щекам приливает краска и автоматически всплывает картинка украденного мной взгляда Марка после прокатки номера, но я упрямо твержу себе «это неправда!»
- Марк на работе ни с кем не путается! – вставляет Злата, не отрывая взгляда от своего отражения и продолжая интенсивно водить кисточкой по лицу.
- Это ты по своему опыту знаешь?
- Может, ты не в его вкусе?!
- Летят обращенные к ней реплики.
- А она в его?! – огрызается девушка.
- Клео, ты про штрафы ей сказала?! – подает голос Лилу, отвлекая всех от неприятной для меня темы, и я посылаю ей благодарный взгляд и с удивлением бросаю взгляд на подругу, которая отзывается на прозвучавшее обращение.
- Не аплодируешь – штраф. Грубишь клиенту – штраф. Плохо выглядишь – штраф. Не пришла на работу...
- Большой штраф, – практически хором произносят девушки и смеются.
- Ася, все помнишь?!
- Я киваю.
- Да.
- А к расходам приплюсуй сценические костюмы, стрипы практически каждый месяц, – добавляет Матильда, смотря на меня в отражении своего зеркала, и её подхватывает Злата:
- Маникюр, педикюр, парикмахер, косметолог...
- Все равно намного больше получается, чем за любую среднестатистическую должность!
- повторяет озвученные мне ранее свои слова Надя.
- И выглядишь всегда на сто процентов!
- Это все так, но я девочки сильно устаю и употребляю много алкоголя! – признаётся молчаливая брюнетка, собирая насмешливые взгляды, а я озвучиваю свои страхи:
- А как насчет безопасности?
- В некоторые вечера охрана буквально не успевает оттаскивать перевозбужденных клиентов от девочек.
- Злата! – накидываются на нее девушки.

– Зачем ты ее пугаешь?!

– ЧП бывают, но редко, – успокаивает меня Надя, а Матильда продолжает:

– Пока ты находишься в клубе – гости нестрашны. Повсюду охрана, которая в случае чего всегда подойдет и объяснит, как вести себя с девушкой.

– Кроме того, с любой можно договориться – в клубе есть отдельная комната, в которой за обговоренную сумму девушки исполняют приватные танцы.

– Злата, давай про приват потом.

В гримерку снова заходит Маргарита.

– Готовы?! Встаём, подходим и на выход.

Артистки поднимаются и, демонстрируя ей по очереди свою готовность, исчезают за дверью. Я выхожу из комнаты последней и на одеревеневших ногах иду за Надей в зал навстречу своим страхам, неся как на плаху свою уже порядком потрепанную нравственность.

– Расслабься, ты должна быть максимально сексуальной, твоя задача –заинтересовать мужчин. Ходи, смотри и улыбайся! Если позовут, садись и поддерживай беседу.

– Хорошо.

Я пытаюсь заставить себя расслабиться, чтобы меня покинула нервная дрожь, пробирающая тело, но у меня плохо это получается. Через какое-то время музыка приглушается, и звучит призывное объявление первых артисток.

На сцене появляются две эффектные девушки, которых не было в нашей гримерке, и, улыбаясь, начинают сексуально двигаться.

– Красиво! – невольно вырывается из меня похвала, которой я делюсь с подошедшей Надей, когда ближняя к нам танцовщица завершает свое выступление. Ее уровень общения с пилоном – космос. Мне до такого расти и расти.

– Да. А теперь ты сама знаешь, как непросто сделать, чтобы было также легко и красиво.

– Да, – выдыхаю я, вспоминая, чего мне стоило освоить азы прокруток, а подруга продолжает:

– А многие думают, что стриптиз – это когда какая-то шлюха лифчик снимает, что в нем нет ничего интересного. А стриптиз – это шоу.

Я киваю и осматриваюсь уже более смело. Приглушенный свет, освещенная сцена с двумя пилонами, находящимися в объятиях танцовщиц, столики, диванчики, мужчины со спутницами и без, артистки, с улыбками порхающие между ними, как разноцветные красивые бабочки. Запах чего-то запретного, взрослого и будоражащего, пьянящего мое сознание вместе с принятой дозой успокоительного, прописанного Надей. Но главное, тут ощущается концентрация женской энергетики такой силы, что ее можно сравнить с термоядерным оружием, наверно, поэтому мужчины сюда бегут, летят, плетутся как на водопой.

Если бы мне через полчаса не нужно было раздеваться перед этой публикой, я бы вообще получала наслаждение, смотря, как девушки легко и непринужденно делают то, что стоит мне синяков и мозолей.

Постояв еще немного, разглядывая действо на сцене и за ее пределами, я вдруг чувствую укол совести оттого, что Надя, нянчась со мной, не может нормально работать, и, приближаясь к ней, говорю:

– Иди. Я нормально.

– Хорошо. Помни, гость всегда прав, если не нарушает правила заведения.

Она делает пару шагов от меня и возвращается:

– Не пропусти свой выход. Свое имя не забыла?

Я задумываюсь, вспоминаю мужчину, придумавшего его, тут же пытаюсь выставить мысли о нем из своей головы и произношу:

– Асаль.

– И да, вот еще что, консумация.

Похихикав над моим выражением лица, Надя объясняет:

– Помимо «развода» богатых дядь на деньги за стриптиз есть еще один, вполне легальный способ заработать. Когда кто-то просит тебя присесть за его столик, ты не скромничай и заказывай напитки и еду из специального дорогого меню. Тогда тебе пойдет двадцать пять процентов от суммы заказа.

Девушка улыбается, смотря, как на моем лице отражается переваривание новой информации, подмигивает и уплывает в темноту, а я остаюсь совершенно одна и начинаю ощущать это. А особенно тогда, когда отмечаю про себя, что одиноко порхающих бабочек в зале почти не осталось: они все уже разобрали свои цветки и улыбаются, смеются. В этот момент я очень остро чувствую себя другой, не такой как они, не вписывающейся в эту безрассудную, умопомрачительную стихию. По сложившейся в последние дни привычке снова откладываю свою мысли на полку сознания, чтобы вернуться к ним потом, поскольку, если они сейчас начнут атаковать меня, я не то, что не смогу выступать, я не смогу находиться в зале и трусливо сбегу.

Проходя мимо очередного столика, улавливаю капризный голосок, в котором не сразу узнаю молчаливую скромницу Лилу:

– Нет-нет. Я виски не пью. Только вот эти вкусенькие коктейли.

Вспоминаю про «консумацию», про которую только что говорила Надя, и усмехаюсь, а девочка не так проста, как кажется – с милым личиком бессовестно разводит клиента.

Прибив на лицо улыбку, как положено по правилам этого заведения, я то перемещаюсь по залу, то останавливаюсь и смотрю на девочек, скользящих по шесту и сбрасывающих одежду, как деревья – листья осенью: с легкостью и без сожаления. Однако все это время меня не покидает странное необъяснимое чувство, что за мной кто-то наблюдает. Несколько раз останавливаюсь, оглядываюсь и не вижу источник беспокойства. Наверно, нервы настолько напряжены, что мне все чудится.

Когда внезапно чувствую прикосновение к руке, то вздрагиваю и едва не вскрикиваю. Я до сих пор как натянутая струна, и это очень плохо, потому что скоро мне выступать. С опаской смотрю в сторону раздражителя и с облегчением выдыхаю – Надя. Направив свой многообещающий взгляд на мужчину, сидящего напротив, она заискивающе спрашивает:

– Котик, у меня подружка скучает. Можно она с нами посидит?

Виджу касающийся меня не слишком радостный взгляд, сменившийся удивлением, затем улыбку и слышу снисходительное:

– Садись, малышка.

Губы подрагивают в вымученной улыбке, адресованной Надиному клиенту. Я сажусь на диванчик рядом с подругой и чувствую ее пальцы, сжимающие мои в качестве поддержки. Все также, не отрывая глаз от своего собеседника, девушка продолжает:

– Асаль сегодня первый раз выступать будет! Представляешь, как она волнуется?!

Мужчина ухмыляется, скорее всего, думая, что это специально разыгранный перед ним спектакль, но подруга поднимает мою дрожащую руку и демонстрирует ему.

– Вот смотри.

Он, похоже, уже в шаге от того, чтобы принять ее слова на веру, и она, расплываясь в тысячеватной улыбке, просит:

– Можно она выпить закажет?

Я поворачиваюсь к Наде, делаю большие глаза, пытаюсь без слов сказать, что не хочу больше пить, но она до боли сжимает мои пальцы своими, безмолвно говоря, чтобы я не лезла, куда меня не просят, и я послушно не спорю с ней и позволяю себе безвольно плыть по течению.

Самец благосклонно кивает, и девушка весело щебечет:

– Ты такой классный!

Он подзывает официанта и, когда тот подходит, протягивает мне меню. Надя помогает открыть нужную страницу и тыкает в столбик коктейлей с заоблачными ценами. Я наобум выбираю один из них.

Коктейль оказывается неожиданно вкусным, и, то ли в нем действительно так мало алкоголя, то ли большое количество сока купирует его неприятный запах, я с удовольствием посадываю его из трубочки и слушаю болтовню Нади, которая нас развлекает, одновременно наблюдая за выступлениями девушек.

– А у нас следующие артистки. Восхитительная Малика и сладкая, медовая Асааль.

Надя толкает меня в бок, и я понимаю, что мой час настал.

Как в тумане встаю и на ватных ногах иду на сцену. Сейчас меня поддерживает только то, что в этом месте я никогда не встречу знакомых – цены по меркам моих друзей здесь кусаются.

Подойдя к своему пилону, бросаю взгляд в зал. Я вижу изучающие, лапающие, раздевающие взгляды и замираю. Я не смогу сделать ни одного движения, не то, чтобы исполнить танец. Про то, чтобы раздеться перед всеми, я вообще молчу! Что мне делать?! Начинает звучать музыка, а я по-прежнему не двигаюсь и испуганно смотрю сверху вниз на размазавшиеся от страха лица.

«Все! Успокойся! Дыши! Вспомни, для чего ты здесь! Ты взяла деньги и должна их отработать!» – пытаюсь собрать воедино себя из расплывшейся лужицы, что сейчас представляю.

Закрываю глаза, пропитываю музыкой свое тело, глубоко дышу, и меня начинает отпускать.

Знаю, что уже пропустила несколько первых движений, и подстраиваюсь под мелодию, чтобы войти в свой танец. Не смотря ни на кого и воображая, что я по-прежнему просто репетирую, поднимаю максимально высоко ближнюю к пилону руку, ухватываюсь за него и делаю шаг вперед и в сторону, как учила Лена. Увожу ближнюю прямую ногу и свободную руку в диагональ и, машинально сделав ей круговой замах вперед и в сторону, перевожу корпус по той же траектории. Чувствую пилон, сгибаю ногу и вращаюсь в позе полушпагата. Для того чтобы было легче, придерживаюсь рукой за стального друга и заканчиваю прокрутку на полу, стоя на коленях с одной вытянутой ногой. Максимально прогибаю спину, так что при желании, открыв глаза, я могла бы увидеть гостей, накрывая своими темными кудрями свое тело, и замираю. После непродолжительной паузы снова ухватываюсь за пилон, подтягиваюсь, встаю и приступаю к дальнейшим па моего танца уже более уверенно.

Музыка, наполнив меня собой, творит чудеса, и я без запинки выполняю свою первую скромную часть, остается только переступить себя и исполнить вторую откровенную, впервые обнажив себя при таком количестве пожирающих глаз. Выкидываю мысли об этом, делаю любимую прокрутку «стульчик» и схожу на ноги. В пару движений поворачиваюсь к пилону, спиной трусь об него и снимаю с себя прозрачную ткань кофточки. Кто-то решает, видимо, поддержать меня или просто комментирует мои действия и что-то выкрикивает, но я, находясь в своем защитном коконе, даже не могу разобрать слов. Может, оно и к лучшему!

Новая прокрутка и новая потеря в моем гардеробе – юбка опускается на пол. Я повторяю себе, как мантру, «не думать! не смотреть!» и продолжаю совершать автоматизированные движения. Расстаться с бюстгальтером – самое сложное. Раньше мою грудь видел только Ваня, мой первый и единственный мужчина, с которым я рассталась полгода назад по обоюдному согласию, а за эту неделю прибавилось еще двое: Марк и Стас. Но сейчас я должна продемонстрировать ее всему залу, и для скромной и непривычной быть в центре внимания девушки – это подобно катастрофе.

Расстегиваю крючки на спине с замершей на губах улыбкой и мысленно прощаюсь с собой... С той светлой, целомудренной Асей, какой я была, и впускаю в себя тьму порока. Меня подначивают новыми выкриками, но они только раздражают.

Снимаю, бросаю себе под ноги легким движением руки, как будто мне это ничего не стоило, и продолжаю танец с осознанием того, что все: я переступила черту и растоптала свою нравственность. Мама говорила, что не у каждого человека есть моральные качества. Она была права – у меня теперь их нет.

Продолжаю танцевать и вращаться на пилоне топлес. Пистолет, снежинка, галочка, перемешанные с сексуальными движениями возле железного друга, с движениями скользящих по телу рук, прогибами, взмахами головы с вихрем волос... Хорошо, что в моей крови все-таки гуляет алкоголь, на трезвую голову я не знаю, как бы сделала все это.

Завершаю свой номер я уже в каком-то пугающем состоянии спокойствия или смирения. Сложно было переступить через себя, через свою систему ценностей, а сейчас, когда я это сделала, не чувствую уже такого жгучего стыда и огорчения, а только усталость и желание, чтобы это скорее закончилось.

Спускаюсь со сцены под горячие аплодисменты с все той же замороженной на лице улыбкой и иду мимо столиков в жутком напряжении. Прикосновения к моему телу чужих рук – для меня еще больший стресс, чем танцевать топлес. От первого касания вздрагиваю и напрягаюсь. Легкое поглаживание, пошлая фраза, оттянутая ниточка стрингов и повисшая купюра. Автоматически произношу «спасибо» и уношу ноги. Новое прикосновение, новое нервное напряжение и новая банкнота. Обойдя зал, направляюсь к выходу, где меня встречает Маргарита. Дрожащими пальцами передаю ей купюры «благодарности» клиентов и направляюсь по коридору в спасительное убежище примерки – заново одеться.

Надеваю новую «униформу», тоже одолженную Надей, и, плюхаясь на стул, смотрю в свои дикие глаза. Я стриптизерша... Мой мир рухнул! Отворачиваюсь, вздыхаю. Повторить все – еще сложнее, потому что теперь я знаю, что именно мне предстоит. Неожиданно для себя подхожу к шкафчику подруги и достаю ее снимающую напряжение бутылку. Смотрю на нее и начинаю думать: стоит ли?! Нет! Думать, находясь в этом месте, противопоказано. Сейчас мне надо принять дозу успокоительного и дальше автоматически совершать прописанные мне действия. Думать я буду потом. Может быть, завтра. Если наберусь смелости. Не теряя больше время, наливаю стопку, заливаю в себя, морщусь и иду в зал.

– Зай, мне надо идти, – слышу, едва войдя, знакомую капризную интонацию и оборачиваюсь. Злата сидит на коленях у импозантного мужчины и, смотря ему в глаза, причитает: – Так не хочется тебя оставлять. Может, ты позовешь Маргариту и договоришься, чтоб я не танцевала?

Виджу: мужчина делает знак, а девушка расплывается в обольстительной улыбке.

– Ты лучший. А можно еще коктейльчик?

Вспоминаю: Надя вроде говорила, что это одна из позиций в crazy-меню, и называла это «режим ленивая танцовщица». А что, идеальный вариант: сидишь весь вечер, не танцуешь, а развлекаешь одного клиента, что оплатил твое «освобождение». Мне бы тоже это подошло, если бы гость был словоохотлив и бездейственен.

Чувствую окрик с именем, как-то отзывающимся в моем подсознании.

– Асаль!

Оборачиваюсь. Невысокий седоволосый мужчина, на первый взгляд кажущийся безобидным, улыбается и зовет меня к себе.

– Посиди со мной, девочка!

«Клиент всегда прав!» – обреченно напоминаю самой себе и, одев на лицо новую улыбку, шагаю в его сторону. Кажется, после сегодняшней улыбчивой ночи завтра у меня будут болеть мышцы лица.

Смотрю на часы Андрея – мужчины, что оплатил ночь в моем обществе и не просил ничего, кроме как поддерживать беседу и улыбаться – пол пятого. Он прощается со мной и желает удачи, и я искренне улыбаюсь ему пьяной улыбкой. Благодаря ему мне даже не пришлось второй раз оголять себя на сцене, и он сам без просьб покупал мне вкусные фруктовые коктейли, которые оказались совсем не такими безобидными, поскольку я впервые в своей жизни чувствую, что пьяна.

Еще раз посылаю ему благодарную улыбку, встаю, пытаюсь отыскать равновесие, которое в стоячем положении и на высоких каблуках сложно найти, и, собирая мысли в охапку, пытаюсь соотнести: который сейчас час и время, когда заканчивается моя рабочая ночь. Потратив на эту мыслительную операцию вдвое больше времени, вычисляю, что еще полчаса отделяет меня от свободы.

Обвожу глазами зал – он полупустой. Некоторые девочки уже сидят в одиночестве, устало ожидая конца смены. Пытаюсь найти Надю – не нахожу. Решаю, что мне тоже можно доработать оставшиеся минуты на мягком диване, и делаю шаг обратно. Мягкое облако кожаного дивана поглощает мое уставшее и не привыкшее к ночной работе тело, и я не замечаю, как меня накрывает темнота.

Открываю глаза и встречаю глаза Марка. Это сон?! Не могу понять. Мне бы испугаться, что он так близко, но алкоголь притупил чувство страха и самосохранения, и я позволяю себе раствориться в его взгляде. Тем более его глаза мне так нравятся. В его радужке переплетаются подобно причудливому узору несколько теплых оттенков, и оттого они необычные, запоминающиеся, как и он сам.

– Не бойся.

Ах, этот его дьявольский голос. Он действует на меня похлеще алкоголя. Кажется, я шепчу «не боюсь», хочу услышать что-нибудь в ответ, но действительность снова исчезает...

8 глава. Биохимия.

Я держу ее на руках и, брезгуя благоразумием, вдыхаю запутавшийся в ее волосах персиковый запах, немного перемешанный с каким-то другим, посторонним. Я могу себе это позволить, поскольку Ася спит, прижавшись щекой к моей груди и согревая своим теплом мое сердце. Минуту назад она, правда, очнулась, посмотрела затуманенными алкоголем медовыми глазами на меня и опять уплыла в забытие.

Чего мне стоил сегодняшний вечер! Я его долго не забуду. Как верный пес я не сводил с нее глаз, сидя в своем неприметном месте, и готовый в любой момент показать зубы каждому, решившему обидеть ее. Смешно?! Да. Если бы еще не было так грустно оттого, что я не понимаю, что за чертовщина происходит со мной. Я как будто прилип к ней и не могу оторваться. Словно эта девчонка в отместку за мой отказ помочь приворожила меня к себе. Других объяснений у меня нет. Поскольку веду себя я так как никогда раньше!

Прохожу по коридору к выходу, слышу шаги, догоняющие меня, и окрик.

– Марк.

Узнаю голос – Маргарита. Понимаю, что уйти незамеченным не получилось и, остановившись, поворачиваюсь. В ее глазах легко читаемая палитра чувств: удивление, обида, возмущение. Впрочем, мне все равно. Никаких планов на нее у меня нет, а мои планы ее не касаются. Выжидающе смотрю на женщину.

Марго решает попридержать эмоции и начинает издали:

– Она пьяная?

– Как видишь.

– Надо ее оштрафовать.

Твердо смотрю ей в глаза и произношу:

– Нет.

– У нас в правилах написано, что нельзя...

Раздраженно перебиваю:

– Ты меня слышала?!

Она растерянно хлопает ресницами и кивает, а я пытаюсь смягчить сказанное:

– Ее сегодня и Клео спаивала, и мужик, купивший «освобождение». Просто предупреди, чтобы впредь контролировала норму.

– Хорошо, – и миролюбиво следом: – Ты оказался прав, девчонка – золотая жила для нас. Сегодня четыре гостя хотели купить ее приватный танец, но она была, к сожалению, занята.

– Никаких приватных танцев! – слишком резко и слишком эмоционально произношу я и тут же понимаю это, но уже поздно. Марго смотрит на меня как на полоумного. Наверно, я такой и есть. Покупки сразу-меню – одна из прибыльных статей дохода, но мне по барабану. По крайней мере, это я могу контролировать.

– Почему?!

Я мгновенно придумываю правдоподобную отмазку и даже лгу ей:

– Ты сама говорила, что она не профессионал. У нас солидное заведение. Пусть месяц испытательного срока пройдет, а там посмотрим.

– Хорошо, – соглашается женщина, хоть в ее голосе читаются сомнения в правильности моего решения.

Я пытаюсь развернуться, чтобы продолжить свой путь, но она останавливает меня следующим вопросом:

– Куда ты ее несешь?!

Ее голос едва заметно дрожит, скорее всего, это был для Маргариты самый сложный и самый главный вопрос, но я не собираюсь обманывать, считаясь с ее неоправданными надеждами, и честно отвечаю:

– К себе.

Вижу, как ей непросто контролировать свои эмоции, и смягчаю:

– Я не знаю, где она живет.

Женщина хватается за соломинку.

– Я могу посмотреть адрес в анкете.

– Не надо. У нее мать больна. Думаю, такое зрелище ей не стоит видеть.

Марго удивлена моей осведомленности, но не комментирует это, не спрашивает ни о чем, а просто предлагает другой вариант.

– Оставь ее в клубе. В примерке есть диван.

Поднимаю брови и вопросительно смотрю на нее. Она правда считает, что выдавшая виды кожаная рухлядь – нормальное место для сна или ей настолько не нравится девушка, что Маргарита хочет добавить к её утренним мучениям ещё и разбитое тело?!

– Не стоит.

– Ей в таком состоянии все равно где спать.

– Нет.

Женщина убеждается, что на этот вариант я точно не соглашусь, но продолжает фонтанировать идеями, как гейзер.

– Она подруга Клео. Может, та ее возьмет к себе!

Браво, Марго! Вот ты и добралась до сути. Это единственное мое слабое звено. Именно поэтому я уношу Асю, не дожидаясь пяти! Чтобы ее подруга, проникшись сочувствием, не лишила меня возможности украсть сводящую с ума девушку на целую ночь. Вдумываясь в свои мысли – ни дать ни взять – маньяк. Молча усмехаюсь и говорю женщине:

– Я не видел Клео, а ждать, когда она освободится, времени нет.

Разворачиваюсь и собираюсь продолжить свой путь. Ася хоть и выглядит худенькой, но все же не пушинка, и я уже давно держу ее на руках. Только Маргарита, похоже, совсем не намерена отпускать меня домой с красивой девушкой, хоть и находящейся в бессознательном состоянии.

– А когда мне ей отдать деньги? – спрашивает она, скорее всего, лишь для того, чтобы как-то продолжить разговор.

Хочу сказать завтра, но останавливаюсь: в голову приходит хорошая идея и грех не воспользоваться ей.

– Отдай мне. Я передам ей утром.

Женщина вытаскивает конверт, подписанный Асаль, и протягивает мне.

– За «консумацию» завтра ей выплатят.

Киваю, в который раз разворачиваюсь и под тяжелый взгляд Маргариты покидаю здание.

Машина уже заведена, и Лёха – охранник, которого я послал, чтобы прогреть автомобиль, увидев меня, услужливо открывает пассажирскую дверь. Благодарно киваю ему, поскольку на Асе надето только то недоразумение, в котором она должна была исполнять второй танец, и это даже с натяжкой нельзя назвать одеждой, тем более для сентябрьской ночи.

Пристегиваю ее ремнем безопасности и, не теряя времени, сажусь на соседнее кресло. Трогаюсь и увожу с собой свою спящую красавицу.

Ночной Санкт-Петербург встречает меня свободными улицами. И хоть нельзя сказать, что в городе нет машин, но разница с вечерним передвижением очевидна – я добираюсь до Сампсониевского моста за каких-то десять минут. Перебравшись на другую сторону Невы, въезжаю на Финляндский проспект и подъезжаю к дому.

Паркуюсь, вытаскиваю из машины спящую девушку, преодолеваю первое препятствие в виде разблокировки двери паркинга и на лифте поднимаюсь на шестнадцатый этаж.

Открыть квартиру, держа на руках Асю, становится новым квестом, но, потратив на это мероприятие вдвое больше времени, чем обычно, я все же справляюсь. Вхожу внутрь, умудрившись ногой захлопнуть дверь, и несу свою ношу в спальню. Аккуратно кладу ее на покрывало и сажусь рядом с ней.

Девушка по-прежнему спит, и я поочередно освобождаю ее ноги от тяжелых оков стрипов. Раздевать я ее не собираюсь, а только прикрываю свободной частью покрывала и внимательно разглядываю ее красивое безмятежное лицо: темные брови, прямой нос, пухлые губы... Во сне Ася кажется еще младше и трогательнее так, что мое сердце плавится на адовой сковороде действительности – завтра она опять придет на работу в мой клуб, и эта ночь повторится. Второй раз переживать это кажется мазохизмом. Может, стоит предложить ей денег самому?! Может, она возьмет их у меня и откажется от идеи танцевать стриптиз снова?!

Сбрасываю с себя обувь и одежду. Ложусь под одеяло с противоположной стороны и поворачиваюсь к ней. Я украл для себя ее на целую ночь, и, хоть мы просто будем спать рядом, на данный момент это самое волнующее, что происходило в моей жизни в последнее время. Не удержавшись, я протягиваю руку и касаюсь пальцами ее щеки. Ее кожа мягкая, теплая, приятная. Красивая, смелая, безрассудная малышка... Никогда не думал, что в моем очерстевшем сердце может откуда-то прорасти столько ростков нежности, но Ася, помимо моей воли, вошла мне под кожу и разбередила душу. Теперь я стал придурком, способным на несвойственные мне безумные поступки, как сегодня. Неужели я влюблен?! Нет! Не думаю! Я знаком с ней меньше недели! Да и существует ли вообще любовь?! По мне так это самообман для наивных девчонок. Что такое любовь?! Биохимия! Организм атакуют гормоны. А потом все приедается и улетучивается. Проходил. Не понравилось. Больше не хочу! Только почему-то, чем глубже анализирую свои последние поступки, чем дольше смотрю на нее, тем больше нахожу схожие симптомы. Только этого мне не хватает!

9 глава. Неожданность.

Головная боль, давящая тяжесть в желудке, подступающая тошнота – первые ощущения моего утра. Необычный запах, проникающий в ноздри, не поддающийся идентификации – сразу после. С трудом разлепляю глаза и натыкаюсь на спящего рядом мужчину. Меня обдаёт жаром, сердечный ритм взлетает к максимально возможным двести двадцати ударам, и все только что испытываемые неприятные ощущения отходят на второй план.

Морщу лоб, но это не помогает восстановить картину прошедшей ночи. Последние мои воспоминания – разговор с «освободившим» меня на ночь гостем и вкусные фруктовые коктейли... От ужаса прошибает пот. Неужели я уехала с ним из клуба?! Отложив в сторону страх, я осторожно приподнимаюсь на локте, чтобы рассмотреть спящего рядом человека, и мне становится еще хуже – в кровати со мной Марк!

«Я переспала с боссом!» – истерично воплю сама себе. – «Катастрофа!»

В этот самый момент босс открывает сонные глаза, и мы встречаемся взглядами...

Сердце ставит новые неизвестные науке рекорды скорости и гулко отдает в ушах, во рту пересыхает. Более нелепой ситуации в моем случае я не могла себе даже представить.

– Доброе утро, – произносит он как ни в чем не бывало. – Как самочувствие?

Я отмираю, ложусь обратно на подушку, чтобы скрыть от него свой шок, и мямлю:

– Нормально.

Марк поворачивается ко мне:

– Что-нибудь помнишь?!

Меня накрывает волна удушья и красноты, но я все же пытаюсь вытолкнуть из себя вопрос, пульсирующий в сознании:

– Ты... Мы... У нас...

Видимо по пикантности ситуации, по моему бросающемуся в глаза смущению мужчина понимает мой вопрос без недосказанных слов и, усмехнувшись, бросает в лицо:

– Нет, конечно!

От жгучей обиды на сердце неприятно. Я недостаточно хороша для него?! И пусть я услышала бы от Марка совершенно противоположный ответ, и мне было бы еще хуже, но сейчас я не могу не признать, что его «нет, конечно» меня задело.

Неожиданно он притягивает меня к себе.

– А ты бы хотела?

Словно змей-искуситель, Марк смотрит мне даже не в глаза, а в самую душу, пытаюсь разобрать мой ответ там. Я растерянн моргаю и даже не сопротивляюсь, позволяя его рукам касаться голой кожи поясницы, и пусть между нами его одеяло и остатки покрывала, что еще полностью не съехало с моего тела от резкого перемещения, но я чувствую закручивающий меня водоворот ярких ощущений от волнующей близости и пьянящего мужского запаха... А еще меня накрывает страх... непонятный, необъяснимый, но подавляющий.

Вырываюсь из его рук и с удовольствием возвращаю ему его же ответ:

– Нет, конечно.

Отбрасываю покрывало и замечаю на себе вчерашнюю одежду для второго выступления. Вот я дура! Конечно, ничего не было, иначе бы одежды на мне тоже не было.

Резко встаю и плюхаюсь обратно на кровать, чувствуя слабость и головокружение. Наверно, я еще не совсем протрезвела. Сколько вообще надо времени, чтобы из крови вышел весь алкоголь?! Не помню. Да даже если бы и помнила примерный расчет, все равно не смогла бы сделать, поскольку память не сохранила сведений о том, сколько вообще я выпила. Однозначно помню, что у женщин с массой тела как у меня он выходит дольше...

Ощущаю спиной его взгляд и заставляю себя встать. Второй раз я делаю это медленно, и голова кружится совсем не значительно. Соображаю, что дальше. Я в незнакомой квартире и естественно не знаю, где туалет, да и для того, чтобы помыться, мне как минимум нужно полотенце. Осознав, что все равно, как бы мне не хотелось, мне придется обратиться к Марку за помощью, поворачиваюсь и упираюсь в его глаза.

– Я могу принять душ?

Мужчина кивает. И все! Не рассказывает, как радушный хозяин, где находится его ванная комната, не встает, чтобы дать мне полотенце, просто наблюдает за мной, как за забавной зверушкой.

– Где у вас ванна?!

Он молча вылезает из-под одеяла, и я, невольно скользнув по его вылепленной из стальных мышц фигуре, смущенно отвожу глаза. Вроде нет ничего особенного увидеть мужчину в боксерах, на пляже ведь люди, не стесняясь, ходят в плавках, и это совершенно никого не волнует, но почему-то смотреть на Марка в таком виде наедине мне кажется слишком интимным.

По-прежнему ничего не надев на себя, он открывает дверцу шкафа-купе и достав что-то оттуда, направляется в мою сторону. По мере его приближения я начинаю дергаться и краснеть. Он слишком красивый и слишком раздетый, а я... я правда его боюсь...

Не смотря ему в глаза, я нервно мечусь от его каменной большой грудной мышцы вниз по эффектно прорисовывающимся прямым. Оттуда испуганно перевожу взгляд на мощные плечелучевые и дельтовидные мышцы к шее и снова вниз... На его экземпляре можно без учебника изучать анатомию, настолько его тело развито и рельефно.

Чувствую кожей его ухмылку, автоматически начинаю злиться и поднимаю рассерженные глаза. Что с того, что мне некомфортно наедине с чужим полуголым мужчиной?! Это нормально для приличной девушки! Прикусываю язык. Слово «приличная» после сегодняшней ночи можно вычеркнуть из арсенала моих качеств. К сожалению...

Взгляд, с которым я встречаюсь, обжигает меня своим огнем, как палящее солнце, и снижает накал моих эмоций. Осторожно, стараясь не коснуться его пальцев, забираю полотенце и футболку, которые он протягивает мне, и автоматически отступаю на шаг, чтобы обезопасить себя.

– Давай на ты?!

Я тут же, не споря, киваю в знак согласия. Я хочу быстрее закончить это пугающее и одновременно волнующее меня общение и оказаться в спасительном одиночестве ванной.

– Пойдем, – бросает мужчина, отворачиваясь, и направляется из комнаты.

Я послушно иду за ним.

Ванна оказывается буквально сразу в коридоре. Войдя в распахнутую для меня дверь, я сразу трусливо защелкиваю замок и чувствую такое невероятное расслабляющее чувство безопасности.

Подойдя к зеркалу, я кидаю взгляд на свое отражение и ужасаюсь: лихорадочно блестящие глаза, черные подтеки от размазавшейся туши... Я похожа на сошедшую с ума панду! И он видел меня такой! Да, день начался скверно.

Сбрасываю с себя одежду, разбираюсь с рычагами душа и, настроив воду, вхожу под блаженные струи. Пару минут просто стою под ними и наслаждаюсь их теплыми объятьями, а потом начинаю исследовать содержимое зеленых баночек, стоящих на полочке. Все названия написаны на английском, и я не все понимаю, но, найдя знакомую надпись «shampooing», уверенно беру ее. Запах, источаемый флаконом, нежный и тонкий. Кажется, я даже улавливаю запах лаванды и прежде, чем начать использовать ее по назначению, я вдыхаю этот аромат и наслаждаюсь им.

Закончив с помывкой, выхожу, вытираюсь и одеваю футболку, пахнущую свежестью. Она явно Марка, поскольку я утопаю в ней. Подбираю вчерашние шорты, тоже натягиваю их на

себя, остальные вещи складываю в найденный пакет для мусора. Снова подхожу к зеркалу, отмечаю, что выгляжу уже значительно лучше, и, уставившись на одиноко стоящую в стакане щетку, чищу зубы при помощи пальца. Покопавшись в ящиках и найдя расческу и фен, сушу волосы.

Когда я покидаю спасительные стены ванной, то теряюсь. Я не знаю куда идти: направо, обратно в комнату, или налево по коридору, туда, где я еще не была (по крайней мере, в адекватном состоянии). Прислушиваюсь и, услышав признаки жизни с неизведанной стороны квартиры, направляюсь туда.

Миновав коридор, я упираюсь в открытую настежь двухстворчатую дверь и заглядываю. Первое, что попадает мне на глаза, это большие электронные часы на полке. Прихожу в ужас – почти двенадцать. Я уже опоздала на вторую пару.

– Проходи завтракать! – слышу голос Марка, но никак не реагирую, а потом извергаю из себя водопад вопросов:

– Где территориально находится твоя квартира? Где мои вещи и телефон?! Можешь вызвать такси?!

Встречаю внимательный взгляд мужчины и слышу:

– Сядь и успокойся!

Понимая, что упрямством ничего не добьюсь, послушно сажусь за стол. Он придвигает мне воду.

– Таблетка нужна?

Мотаю головой и, улавливая запах кофе, витающий в огромной кухне-гостиной, прошу:

– Если можно кофе.

– Американо?! Капучино?!

– Капучино.

Марк отходит к кофемашине и говорит:

– Сейчас позавтракаем, и я отвезу тебя в клуб за вещами.

Допиваю воду, аккуратно ставлю стакан на стеклянный стол и признаюсь:

– Я в институт опаздываю.

– Ты хочешь поехать так?!

Он насмешливо бросает взгляд на свою футболку, одетую на мне, из-под которой даже не видно коротких шорт.

– Нет, но я не хочу терять время на завтрак.

– Хорошо. Выпьем кофе и поедем.

Мужчина подносит мне приготовленный собственными руками напиток, садится рядом к своей чашке и смотрит на меня. Обжигаясь, глотаю молочную пенку, чтобы скорее прервать этот вводящий меня в смущение тет-а-тет, поскольку Марк не считает нужным пощадить мою внезапно обострившуюся застенчивость и отвести свой пронзительный взгляд.

В коридоре, запихнув ноги в неудобные стрипы, сижу на пуфике, ожидая хозяина. Мужчина появляется через пару минут и протягивает мне черную флисовую ткань.

– Надень! – в своем духе распоряжается он, и я, не имея сил и желания спорить, беру толстовку и выполняю.

В фойе, ожидая лифт, мы сталкиваемся со стильно одетой женщиной, которая, скользнув взглядом по Марку, облаченному во влитой и явно дорогой костюм, недоуменно смотрит на меня, явно диссонирующую своим внешним видом с представительным мужчиной, и от этого я чувствую себя еще более скверно.

В грузовой и вполне просторной кабине мне кажется невероятно тесно. Энергетика этого человека давит на меня настолько, что легким не хватает воздуха, а мне – мужества не отводить взгляд. Я смотрю на пол, на его начищенные до блеска ботинки, на стены, но только не на Марка. Нервничая, тереблю пальцами край черной мягкой ткани и не понимаю, почему желез-

ная клетка еле перемещается в пространстве. Спуск с шестнадцатого этажа, кажется, длится целую вечность и лишает меня нервных клеток.

Когда наконец на минус первом этаже лифт останавливается и выпускает нас из своих недр, я едва не выскакиваю из него.

Подземный паркинг, черная машина с хищным профилем, салон, пахнущий новой кожей и каким-то незнакомым запахом и будоражащий сознание, мужчина рядом.

Следом город, оживленное движение, неловкость от его присутствия и от вскользь бросаемых им взглядов и появившееся здание клуба.

Припарковав машину и заглушив двигатель, Марк ловит меня за локоть, когда я уже поворачиваюсь к двери, чтобы поскорее сбежать, и бросает:

– Подожди.

Очень хочется не послушаться, но я мужественно убираю свободную не горящую от его прикосновения руку от двери и поворачиваюсь.

Мужчина протягивает белый конверт, на котором написано Асаль, и я, опуская глаза, беру его. Надеюсь, что это все, я снова тяну за серебряную ручку, чтобы покинуть салон его машины, но он оглушает меня своими словами:

– Я дам тебе денег на операцию. Возвращать их не надо. Но я не хочу больше тут тебя видеть.

Сижу в оцепенении. Марк вроде предлагает мне денег безвозмездно, как Стас, а у меня такое ощущение, что меня сейчас оскорбили.

Не знаю, что меня возмущает больше: фраза, что он не хочет меня видеть, или интонация, с которой она была произнесена.

«Кто он мне такой, чтобы решать, где мне появляться, а где нет!» – подает голос ущемленное самолюбие, и я, поддаваясь его настроению, с вызовом кидаю:

– Что еще я буду тебе должна?!

– Ничего.

Усмехаюсь. Я не верю ему. Это как раз тот случай, когда предложение изначально содержит подвох и к чему-то меня обяжет. Я это подозреваю каким-то седьмым чувством.

– Мне не нужны твои деньги! – выбрасываю ему в лицо.

Мы сталкиваемся взглядами, как борцы на ринге – кто кого – и эмоционально смотрим друг на друга, пока я, снова не сдав позиций, в третий раз поворачиваюсь к двери и кидаю напоследок, опять вернув дистанцию между нами, павшую сегодняшним утром:

– Если я не устраиваю вас как сотрудник, сообщите мне это официально!

Вылетаю из машины и несусь к входу с пылающими от волнения щеками, все еще негодуя от его фразы «не хочу больше тут тебя видеть». Что я вчера такого сделала, что Марк, сам настоящий, чтобы меня взяли, сейчас не хочет, чтобы я работала в его клубе?! И еще говорят, что это женщины непостоянны!

Открываю гримерку, там, естественно, никого нет, и первым делом хватаю телефон. Пару пропущенных от Оксаны и Нади, много от мамы. Чувствую невероятное угрызение совести, что заставила ее волноваться, и звоню.

Не давая ей даже произнести «алло», а тем более ничего спросить, я сразу после соединения тараторю:

– Мама, привет, прости, что не отвечала! Телефон был на беззвучном, и еще на работе устала... Со мной все хорошо.

– Я волновалась... – слышу в ответ, и мое сердце сжимается от звука любимого голоса. Горько улыбаюсь и шепчу:

– Прости, я не хотела! Я люблю тебя!

– И я тебя! – и через секундное молчание: – Ты где сейчас?!

- В универе на парах. Я попозже приеду, – с трудом выталкиваю из себя.
- Хорошо.

Разъединяюсь, переодеваюсь, оставляю вещи Марка в своем шкафчике, но никак не могу избавиться от гадкого чувства, что вызвала во мне ложь. Вот она моя действительность. Я все больше и больше отхожу от своего принципа не врать. Промолчать, перевести разговор, но не врать! Я с каждым новым днем становлюсь другой. Такой, какой никогда не хотела быть. Понимаю, что дальше будет только хуже: ложь будет как клубок наматываться и становиться все больше, но мне уже не сойти с поезда, что несет меня во мрак другой не нравящейся мне жизни. Снова откладываю неприятные мысли в сторону. Это уже стало для меня обычным, боюсь: это скоро войдет в мою привычку, но сейчас я не в состоянии думать об этом. Я до сих пор чувствую себя плохо, утро мое было ужасным, а в данный момент мне надо быстрее попасть туда, где я должна была быть еще три часа назад.

В университет я впритык успеваю к третьей паре и, встретив удивленную Оксану, вру уже ей о причинах своего опоздания. С горем пополам отсиживаю полтора часа и лечу домой, чтобы хоть немного побыть с мамой и набраться стимула для того, чтобы ночью выходить на сцену танцевать стриптиз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.